

УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

ISSN 2079-5912

Казанский социально-гуманитарный вестник

Информационный научно-аналитический журнал

2023, № 5 (62)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Минзарипов Рияз Гатауллович, доктор социологических наук, профессор. Президент Казанского (Приволжского) федерального университета, зав. кафедрой общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ, г. Казань

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Шамсутдинова Ильдия Ильдусовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ, г. Казань

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляев Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор. Заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Большаков Андрей Георгиевич, доктор политологических наук, доцент, заведующий кафедрой конфликтологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Ершов Андрей Николаевич, доктор социологических наук, профессор. Ректор Казанского института инновационного менеджмента и информатики. Почетный консул Франции в г. Казани. Академик Академии политической науки

Ефлова Мария Юрьевна, доктор социологических наук, профессор. Заместитель директора по научной деятельности Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Морозова Галина Викторовна, доктор экономических наук, профессор. Заведующая кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Савельева Жанна Владимировна, доктор социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор. Декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, заведующий кафедрой государственного управления, истории, социологии КНИТУ КХТИ

Хайруллина Юлдуз Ракибовна, доктор социологических наук, профессор кафедры общей и этнической социологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Шатунова Татьяна Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета

Щелкунов Михаил Дмитриевич, доктор философских наук, профессор. Директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. Член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан

Howard Davis (Ховард Дэвис), professor, PhD in Sociology at the Bangor University, (Bangor, United Kingdom). BA Cambridge (UK). PhD Edinburgh (SCO)

Matsuzato Kimitak (Кимитака Мацузато), Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Sapporo, Japan) The Vice-President of The International Council for Central and East European Studies (ICCEES)

Tsygankov Andrei (Цыганков Андрей Павлович), PhD in Political Science, professor at San Francisco, California, US

Журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК (Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-пресс» № 11899.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Цена свободная

Компьютерная верстка, оформление обложки:

А.И. Галиулина

Адрес редакции: РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, каб. 1606

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isf/nmk/kazanskiy-socialno-gumanitarniy-vestnik

E-mail: kazvestnik@mail.ru

Подписано в печать 10.11.2023. Дата выхода в свет 10.11.2023.

Формат 70*108 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Печ. л. 3,84. Тираж 300 экз. Заказ № 56/11

Отпечатано в типографии Издательства

Казанского университета

Адрес издателя и типографии: 420008, г. Казань,

ул. Профессора Нухина, 1/37 тел. (843) 206-52-14 (доп. 1705),

206-52-14 (доп. 1704)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Абрамова С.Б. Демобилизация российской молодежи и барьеры цифрового гражданского активизма.....	4
Беляев В.А., Сибяева Г.Р. Различия цивилизационного развития Запада и востока Европы (России).....	11
Ларионова И.В., Максимова О.А. Цифровая компетентность российской молодежи: состояние и факторы влияния	23
Лубяной М.С., Самсонов А.И., Фоменков А.А. Образ будущего и справедливое социальное устройство: общественное мнение нижегородцев в 2022 году	30
Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Цифровая социализация российской молодежи: соотношение реальных и виртуальных коммуникационных практик	42
Соловарова Ю.Н. Исследовательское поле демографической безопасности в полиэтническом пространстве нарративов студенческой молодежи	48
Токарева Ю.М., Гаврилова И.С. Самоохранительное поведение детей старшего дошкольного возраста: тенденции формирования в современных условиях	55
Шевцов А.В. Явка российских избирателей на выборах в 1997–1998 гг.: (на материалах эмпирических исследований)	62

CONTENTS

SOCIOLOGY

Abramova S.B. Demobilization of Russian youth and barriers to digital civil activism.....	4
Belyaev VA., Sibaeva G.R. Differences in the civilizational development of the West and the east of Europe (Russia)	11
Larionova I.V., Maximova O.A. Digital competence of Russian youth: state and factors of influence	23
Lubyanoy M.S., Samsonov A.I., Fomenkov A.A. The image of the future and a fair social structure: public opinion of nizhny novgorod residents in 2022	30
Maximova O.A., Nagmatullina L.K. Digitalization of education: trends and problems in the university environment (on the materials of empirical research in Kazan federal university)	42
Solovarova Yu.N. Research field of demographic security in the multi-ethnic space of narratives of students.....	48
Tokareva Yu. M., Gavrilova I. S. Preschool self-preservation behavior: trends in formation in modernity.....	55
Shevtsov A.V. The turnout of Russian voters in the elections in 1997-1998: (based on empirical research).....	62

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.4-10>

Демобилизация российской молодежи и барьеры цифрового гражданского активизма

Абрамова С.Б.

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д.16, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается социологический дискурс и подходы к определению понятия демобилизация. Акцент делается на личностном уровне демобилизирующих барьеров участия российской молодежи в цифровом активизме. На основании всероссийского опроса экспертов в области цифровой партисипации молодежи (32 эксперта из 8 федеральных округов) предлагается авторская типология барьеров, вызывающих демобилизацию на этапах вовлечения (информационные, репутационные, ресурсные барьеры, а также барьеры социализации, безответственности, недоверия, целеполагания) и удержания (барьеры перспективы, коммуникации, формализации, рутинизации и сети) молодежи в гражданском активизме. Показывается влияние, оказываемое цифровой средой, на усиление демобилизационных эффектов. Делается вывод о высокой частоте столкновения участников и организаторов цифрового активизма с обозначенными барьерами, но при этом позитивном настрое экспертов о возможностях их преодоления.

Ключевые слова: демобилизация, цифровой активизм, барьеры, молодежь

Благодарности. Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

Для цитирования: Абрамова С.Б. Демобилизация российской молодежи и барьеры цифрового гражданского активизма. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2023;(5(62)):4–10. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.4-10>.

Demobilization of Russian youth and barriers to digital civil activism

Abramova S.B.

*Ural Federal University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin, 620002, Yekaterinburg, Mira str., 16, Russian Federation*

Abstract. The article examines sociological discourse and approaches to defining the concept of demobilization. The emphasis is on the personal level

of demobilizing barriers to participation of Russian youth in digital activism. An all-Russian survey of experts in the field of digital participation of youth was conducted (32 experts from 8 federal districts). The author proposes a typology of barriers that cause demobilization at the stages of involvement (information, reputational, resource barriers, as well as barriers of socialization, irresponsibility, mistrust, goal setting) and retention (barriers of perspective, communication, formalization, routinization and network) of youth in civic activism. The influence exerted by the digital environment on enhancing demobilization effects is shown. The conclusion is drawn about the high frequency of confrontations between participants and organizers of digital activism with the identified barriers, but at the same time the positive attitude of experts about the possibilities of overcoming them.

Keywords: demobilization, digital activism, barriers, youth

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

For citation: Abramova S.B. Demobilization of Russian youth and barriers to digital civil activism. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(5 (62)):4–10 (In Russ.)

Введение

Исследования гражданского участия имеют давнюю традицию в социальных науках, происходят на стыках разных дисциплин – социологии, политологии, социальной психологии, и во многих случаях в качестве ключевой проблематики затрагивают вопрос, как и почему одни факторы мобилизуют граждан на участие, а другие их демобилизуют. По мнению P.Susánszky [1], упрощенная модель индивидуального решения о гражданском или политическом действии описывается по формуле: мобилизация (выгоды от участия) минус демобилизация (затраты и риски участия). При этом мобилизационные факторы чаще выступают объектом внимания исследователей, в то время как демобилизирующие аспекты еще недостаточно изучены. В течение долгого времени ученые рассматривали демобилизацию косвенно – в контексте противопоставления участия и неучастия [2], изучения недовольства и приспособительных тактик, траекторий гражданских инициатив, становления демократии и др.

Теоретическое осмысление понятия «демобилизация» позволяет зафиксиро-

вать три подхода, сложившихся в социологическом дискурсе. Выявленное подходы размещают демобилизацию на разные этапы гражданского активизма (во время, после и до непосредственного проявления инициативы), а также акцентируются на мезо, макро или микро уровне возникновения демобилизационных факторов.

Первый подход рассматривает демобилизацию как преимущественно политический феномен, определенную форму управления, направленную на снижение протестной активности граждан. Так, опираясь на теорию состязательной политики С. Тэрроу, А. Соколов и А. Палагичева [3] говорят о политической демобилизации как столкновении интересов протеста и власти, которое происходит на пике протестного движения и направлено на снижение его интенсивности. Такая демобилизация описывается как стремление субъектов власти отстранить активные социальные группы от нарастающей политической деятельности, а ее механизмами выступают репрессии, истощение ресурсов, радикализация, сдвиг ценностей, изменение формальных институтов

и норм [4], государственные уступки, смена руководства и пр. По утверждению Т. Demirel-Pegg [5], все кампании протеста проходят циклы эскалации и деэскалации и в конечном итоге демобилизуются, хотя это может охватывать разные по длительности временные промежутки.

Второй подход связывает демобилизацию с периодами кризисов, ослабления социальных движений как следствия революционных или трансформационных процессов в обществах. С. J. Ibarra и М. Olavarria [6] характеризуют демобилизацию через идею коллективной травмы, разрушения идентичности, когда посттравматическая память определяет фрагментарность, низкую инициативность и численность гражданских движений. В этом случае демобилизация охватывает не конкретную акцию, а имеет мультисферный и мультиорганизационный характер [7], описывается в понятиях дезинтеграции, упадка, нелегальности, низкой автономии и неформулированности задач гражданской активности [8].

Наконец, третий подход акцентирует внимание на уникальных траекториях вхождения и выхода из гражданских акций, когда демобилизация проявляется на микросоциальном уровне и определяется теми усилиями, рисками, последствиями участия или отказа от участия, которые испытывает отдельный гражданин. С одной стороны, речь идет о тех барьерах и трудностях (недостаток знаний, отсутствие публичности, границы терпения, отсутствие лидера и др.), с которыми люди сталкиваются при попытках организовать для решения социально-значимых проблем, а с другой – об изменении уровня социальной идентичности, росте числа локальных гражданских практик, формировании модели заинтересованного наблюдателя [9].

Материалы и методы

В рамках последнего из выделенных подходов наш исследовательский фокус связан с выявлением демобилизационных эффектов в цифровом гражданском активизме. В настоящее время значимый интерес представляют как процессы, связанные с возможностями цифровой среды для реализации антипротестной модели демобилизации в практиках решения региональных конфликтов власти и населения [10], так и опыт привлечения цифровых технологий для подавления политической коммуникации оппозиционеров [11], снижения социальной напряженности, переключения внимания и пр. Однако цель нашего исследования направлена на актуализацию вопросов о личностном уровне демобилизирующих барьеров, с которыми сталкиваются молодые граждане при формировании опыта цифрового гражданского участия.

Для реализации цели в мае-июне 2023 года проведен экспертный опрос, который включал 32 интервью со специалистами по цифровому активизму молодежи. Эксперты репрезентировали две модели поддержки гражданской активности: «сверху вниз» (16 информантов в области развития цифровизации и обеспечения взаимодействия граждан с органами власти, политологи, лидеры молодежных направлений политических партий) и «снизу вверх» (гражданские активисты в различных сферах, представители молодежных организаций и движений). Территориальный охват включает по 4 эксперта из 8 федеральных округов Российской Федерации. Все интервью проведены на условиях конфиденциальности.

Результаты исследования

По результатам анализа мнения экспертов можно выделить несколько базовых барьеров, создающих демо-

билизационный эффект для современной российской молодежи. Они были классифицированы на два вида: 1) демобилизирующие барьеры этапа первичного вовлечения в активизм и 2) барьеры этапа удержания, систематичности участия. Отметим также, что в анализ сознательно не включены барьеры, описанию которых посвящены актуальные публикации в научной литературе – связанные с уровнем распространения Интернет и стабильностью его работы, цифровой грамотностью населения [12], цифровой безопасностью данных и ряд других.

Барьеры вовлечения в цифровой активизм

1. Информационные барьеры. Они связаны с низкой осведомленностью молодежи в вопросах возможностей, площадок, механизмов участия. Эксперты подчеркивают, что зачастую молодежь просто не знает об уже созданных инструментах, в том числе цифровых, при помощи которых можно реагировать на события и решения власти, отправлять запросы и предложения и пр.

2. Барьеры социализации. Эксперты указывают на отсутствие у молодежи значимых образцов, моделей для подражания, которые бы закладывали в образ желаемого «Я» и в образ будущего представления о значимости гражданского участия. Модель, транслируемая блогерами, расценивается как демонстративная, когда декларируемые вербальные установки не соответствуют реальным практикам повседневной и гражданской деятельности.

3. Репутационные барьеры. Здесь эксперты обсуждают проблему риска столкновения с мошенниками, недобросовестными организаторами в сфере волонтерства, благотворительности, гражданских инициатив, а также подчеркивают влияние имиджа общественных лидеров и активистов на желание молодежи быть сопричастными к этим проектам.

4. Барьеры социальной безответственности. Эксперты выделяют идею перекалывания ответственности, когда при наличии потенциальной возможности решить проблему молодые граждане склонны заявлять, что это не их сфера ответственности, находить аргументы для выбора других субъектов ответственности (от соседа до государства). Легкость обсуждения проблемы в цифровом пространстве зачастую подменяет (симулирует) активное вовлечение в ее решение.

5. Барьеры недоверия. Одной из характерных черт современного состояния молодежного активизма эксперты называют дистанцирование и от власти, и от общественных объединений, вызванное недоверием и опасением нежелательных последствий контакта как с властной, так и с общественной стороной. Цифровая среда рассматривается одновременно как способствующая обеспечению анонимности участия, широты охвата, открытости обсуждения, так и, напротив, наиболее открытая для отслеживания цифровых следов и фальсификации результатов.

6. Барьеры целеполагания. Ключевой проблемой выступает и отсутствие у молодежи представлений о долгосрочных последствиях как конкретных акций, так и развития самой гражданской активности. Представляя активизм как сиюминутную помощь конкретному человеку / двору / парку, у них не складывается представления о включенности в экологическую, градостроительную или иную стратегию развития города и страны. При этом цифровая среда, снижая затраты на ресурсы времени, физических сил, перемещения в пространстве и т.п., усиливает ощущение локальности и фрагментарности каждой акции.

7. Ресурсные барьеры. Представления о цифровом активизме как практически беззатратной модели не поддерживаются экспертами. Они указывают на необходимость материаль-

ных вложений (содержание площадки, сотрудников, программного и технологического обеспечения), временных затрат (молодежь обладает дефицитом времени в результате противоречия между уже имеющейся высокой включенностью в широкий спектр образовательной, трудовой и иной деятельности, и потребностью в постоянном расширении направлений участия), социальных ресурсов (полезных знакомств, статусных позиций, авторитета, возрастных и компетентностных характеристик). Отсутствие этих ресурсов наиболее ярко определяет демобилизационные эффекты в низовых инициативах, и менее выражено в подерживаемых государством проектах.

Барьеры удержания в гражданском участии

8. Барьеры перспективы. Эксперты указывают сложности позиционирования активизма в долгосрочной личной перспективе: статус активиста через 5 или 10 лет участия должен иметь перспективы роста, расширения деятельности, перехода на позицию тьютора и т. д. В противном случае встраивание гражданского участия в личную биографию идет по пути разовых акций и спонтанных решений, а глубокая проработка соучастия на протяжении всей жизни не формируется.

9. Барьеры коммуникации. Охватывают широкий спектр проблем, связанных с достижением оптимального взаимопонимания и высокой эффективности коммуникации всех субъектов, вовлеченных в активизм. Эксперты затрагивают вопросы используемого языка, выбора удобных для молодежи цифровых каналов, наличия понятных и четких критериев на всех этапах проекта (условия участия, показатели эффективности и достижения результата проекта и др.).

10. Барьеры формализации. В ряде интервью указывается на недостаточную открытость органов власти и местного самоуправления, их него-

товность в полной мере поддерживать инициативы, предоставлять свободу в выборе направлений, площадок, формата гражданских проектов. Цифровые коммуникации и электронные обращения способствуют обезличиванию и бюрократизации общения. Речь идет не об идеализации волонтаризма инициатив снизу, а об излишней формализации взаимодействий, вплоть до затягивания сроков или принудительного вовлечения в участие при помощи властных ресурсов, что в перспективе имеет один из наиболее выраженных демобилизационных эффектов.

11. Сетевые барьеры. Именно цифровой активизм требует широкой сетевой поддержки, достигаемой за счет солидаризации всех участников в продвижении проекта в цифровом пространстве. Демобилизационными факторами здесь выступают насыщенная информационная среда Интернет, информационный перегруз молодежи, восприятие Интернета как развлекательного контента, представление о низкой эффективности цифровых инициатив и пр.

12. Барьеры рутинизации. Общение в цифровом пространстве для поколения Z является наиболее привычными практиками. В этом контексте эксперты опасаются, что цифровые проекты гражданского участия не дают ощущения новизны, выхода за пределы привычного опыта и круга общения, что снижает мобилизационную силу ведущих мотивов включения в социальный активизм – получение опыта, самореализация, знакомство с новыми людьми, культурами, городами [13].

Заключение

Цифровой молодежный активизм сегодня обладает высоким потенциалом развития. Исследование экспертного мнения позволило зафиксировать и дать классификацию демобилизирующим барьерам, препятствующим вовлечению и удержанию молодежи

в цифровом активизме, и одновременно выявить оптимизм экспертов в возможности преодоления данных барьеров. Зафиксированные барьеры не имеют непреодолимого характера, часто описываются или как ситуативные, или как уже имеющие инструменты для преодоления, или как имманентно присущие цифровой среде, отражающие ее специфику и требующие

учета при организации молодежных проектов и поддержки гражданских инициатив в цифровом пространстве. Дальнейшие исследования могут быть направлены на рассмотрение рекомендаций экспертного сообщества по преодолению данных барьеров и выработке эффективных инструментов мобилизации молодежи в цифровой гражданской активизм.

Список литературы / References

1. Susánszky P. Demobilization Processes: Perceived Risks of Protest Participation among Hungarian Students. *Intersections. East European Journal of Society and Politics*. 2020;(6(4)). doi: 10.17356/ieejsp.v6i4.664.
2. Ward M. Rethinking social movement micromobilization: Multi-stage theory and the role of social ties. *Current Sociology*. 2016;(64(6)):853–874. doi: 10.1177/0011392116634818.
3. Соколов А., Палагичева А. Особенности политической демобилизации граждан в современной России. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2021;(15(2)):82-95. doi: 10.17072/2218-1067-2021-2-82-95.
4. Sokolov A., Palagicheva A. Features of political mobilization of citizens in protest in modern Russia. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2021;(15(2)):82-95. doi: 10.17072/2218-1067-2021-2-82-95. (In Russ.)
5. Davenport C. How social movements die. Cambridge University Press, 2014. doi: 10.1017/CBO9781139649728.
6. Demirel-Pegg T. The Demobilization of Protest Campaigns. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, 2017. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.251.
7. Ibarra C. J., Olavarria M. The Demobilization of Civil Society: Posttraumatic Memory in the Reconstruction of Chilean Democracy. *Latin American Perspectives*. 2016;(43(6)):88-102. URL: <http://www.jstor.org/stable/26177903> (дата обращения: 02.10.2023).
8. Della P. D., Diani M., Fillieule O. Demobilization and Disengagement in a Life Course Perspective. *The Oxford Handbook of Social Movements*, 2015. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.35.
9. Pommerolle M.-E. Collective Demobilization in Cameroon: Between Post-authoritarian Regime and Extrovert Activism. *Critique internationale*. – 2008; (40(3)):73-74. doi:10.3917/crri.040.0073.
10. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя. *Регионоведение*. 2023;(31(2(123))):393-410. doi:10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410.
11. Abramova S. B., Antonova N. L. Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;(31(2(123))):393-410. doi:10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410. (In Russ.)
12. Фролов А. А., Агурова А. А. Современные инструменты мобилизации и демобилизации в контексте сетевого протеста. *PolitBook*. 2020;(2):42-67. URL: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2020_Issue_2.pdf (дата обращения: 01.10.2023).
13. Frolov A., Agurova A. Modern tools of mobilization and demobilization in the context of network protest in the Vologda region. *PolitBook*. 2020;(2):42-67. URL: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2020_Issue_2.pdf (accessed: 01.10.2023) (In Russ.)
14. Толокнев К. А. Боты, ведущие народ? Модель влияния ботов на политическую мобилизацию и демобилизацию в социальных медиа. *Вестник Пермского университета. Политология*.

2021;(15(4):16-29. doi: 10.17072/2218-1067-2021-4-16-29.

Toloknev K. A. Bots leading the people? Model of social bot's impact on political mobilization and demobilization in social media. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2021;(15(4):16-29. doi: 10.17072/2218-1067-2021-4-16-29. (In Russ.)

12. Минзарипов Р.Г., Шамсутдинова И.И. Цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных изменений. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;(4(61)):41-44. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.41-44>

Minzaripov R.G., Shamsutdinova I.I. Digital competence of youth in the context of global changes. *The Kazan Socially-*

Humanitarian Bulletin. 2023;(4 (61)):41-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.41-44>

13. Воробьева И. Н. Специфика мотивации разных форм социального участия населения. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2023;(13(3): 203-219. doi: 10.21869/2223-1552-2023-13-3-203-219.

Vorobeva I. N. Specificity of Motivation of the Main Forms of social Participation of the Population. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;(13(3): 203-219. doi: 10.21869/2223-1552-2023-13-3-203-219 (In Russ.)

Информация об авторе

Абрамова Софья Борисовна, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Россия, г. Екатеринбург, доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института. Author ID: 253591, ORCID 0000-0003-4010-8406
E-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Information about author

Sofya B. Abramova (Russia, Ekaterinburg) Associate Professor, Cand. Sci. (Sociology), Department of Applied Sociology Department of Political Science and Sociology Urals Institute of Humanities Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. Author ID: 253591, ORCID 0000-0003-4010-8406
E-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Поступила в редакцию 9.10.2023; принята к публикации 23.10.2023
Received 9.10.2023; Accepted 23.10.2023

5.4.5 – Политическая социология (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.11-22>

Различия цивилизационного развития Запада и востока Европы (России)

Беляев В.А., Сибяева Г.Р.

*Казанский национальный исследовательский технический университет – КИАИ им. А.Н.Туполева, 420126, Казань, Российская Федерация
Казанский государственный энергетический университет, 420066, Казань, Российская Федерация*

Аннотация. В условиях СВО вырос интерес к цивилизационным различиям, в вузах введен курс «Основы российской государственности». В статье обосновывается тезис о том, что культура Российской цивилизации (в сферах религии, грамоты, письменности, права, мироощущения, искусства, системах образования, науки, ремесла и пр.) поднялась из культуры греческо-византийской цивилизации. Показаны отличия Греции от Рима в античное время, Руси от запада Европы в средние века, России от западной цивилизации в новое и новейшее время. Выделены отличия в трактовке христианства в католицизме-протестантизме от православия. Из рабовладения Рима, господства варваров в дальнейшем и возникли крестовые походы, инквизиция, охота на ведьм, абсолютная схоластика в философии, папоцезаризм с его абсолютизмом папской власти и тоталитарным отношением к пастве-подданным и – главное – геноцидом в отношении «своих» и иных народов. В отличие от этого, Византия и Русь с их «цезаропапизмом» и «симфонией властей» опирались на чуткое заимствование обычаев и культуры соседей, восприимчивость иных воззрений и верований. Благодаря этому Запад во все времена был жестко антипатичен к любым отклонениям от «генеральной линии» власти, вплоть до тотального террора, фашизма, нацизма, расизма и работорговли. Российская цивилизация, опираясь на ценности античной Греции и Византии и монгольской Яссы, предпочитала ценности эмпатии (интернационализма и коллективизма) и потому руководствовалась прежде всего Новым Заветом. Именно это аксиологическое противоречие детерминирует вековую русофобию Запада в отношении России, препятствующей узаконению расизма-гегемонизма Запада.

Ключевые слова: Цивилизация, трактовки христианства, варваризация, крестовые походы, инквизиция, охота на ведьм, рабство, расизм, нацизм, папоцезаризм и цезаропапизм, эмпатия, культурная восприимчивость.

Для цитирования: Беляев В.А., Сибяева Г.Р. Различия цивилизационного развития запада и востока Европы (России). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;(5(62)):11–22. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.11-22>.

Differences in the civilizational development of the West and the east of Europe (Russia)

Belyaev VA., Sibaeva G.R.

Kazan National Research Technical University – KAI named after A.N.Tupolev.

Kazan, 420126, Russian Federation

Kazan State Power Engineering University, Kazan, 420066, Russian Federation

Abstract. In the conditions of the SVO, interest in civilizational differences has grown, the course "Fundamentals of Russian Statehood" has been introduced in universities. The article substantiates the thesis that the culture of the Russian civilization (in the spheres of religion, literacy, writing, law, world perception, art, education systems, science, crafts, etc.) rose from the culture of the Greek-Byzantine civilization. The differences between Greece and Rome in ancient times, Russia from the West of Europe in the Middle Ages, Russia from Western civilization in modern and postmodern times are shown. The differences in the interpretation of Christianity in Catholicism-Protestantism from Orthodoxy are highlighted. From the slavery of Rome, the domination of the barbarians, the crusades, the Inquisition, the witch hunt, absolute scholasticism in philosophy, papocaesarism with its absolutism of papal power and totalitarian attitude towards the flock-subjects and – most importantly – genocide against "their" and other peoples arose. In contrast, Byzantium and Russia with their "caesaropapism" and "symphony of the authorities" relied on a sensitive borrowing of customs and culture of neighbors, the receptivity of other views and beliefs. Thanks to this, the West has always been rigidly antipathetic to any deviations from the "general line" of power, up to total terror, fascism, Nazism, racism and the slave trade. The Russian civilization, relying on the values of ancient Greece and Byzantium and the Mongolian Yassa, preferred the values of empathy (internationalism and collectivism) and therefore was guided primarily by the New Testament. It is this axiological contradiction that determines the age-old Russophobia of the West in relation to Russia, which prevents the legitimization of racism-hegemonism of the West.

Keywords: civilization, interpretations of Christianity, barbarization, crusades, inquisition, witch hunt, slavery, racism, Nazism, papocaesarism and caesaropapism, empathy, cultural sensitivity.

For citation: Belyaev VA., Sibaeva G.R. Differences in the civilizational development of the West and the east of Europe (Russia). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(5(62)):11–22 (In Russ.)

В конце 20-го века Ф.Фукуяма опубликовал сначала статью, потом на ее основе монографию «Конец истории и последний человек», где обосновывал, что распространение либеральных демократий во всем мире подтверждает тезис о конце социокультурной эволюции человечества, века идеологических противостояний, глобальных революций и войн [1]. Возражая ему,

его учитель С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» утверждал, что культурными общностями наивысшего ранга являются цивилизации (различающиеся по религии-менталитету, вбирающему в себя нравственные, аксиологические ценности, автор ссылается на множество исследователей, придерживающихся

такой позиции) и что географическое соседство цивилизаций (которых всего девять: Западная, Исламская, Индуистская, Синская, Японская, Латиноамериканская, Православная, Буддистская и формирующаяся Африканская) часто ведет к их столкновениям. Эти конфликты обычно происходят на стыке или аморфно очерченных рубежах цивилизаций, например, на Украине [2, С.13]. В то же время «международный порядок, учитывающий интересы разных цивилизаций, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны» [2, С.7]. Снятие идеологического противостояния двух социополитических систем привело к тому, что «Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных» [2, С.11] и осознание культурной идентичности выходит на первый план. В результате «Чуть менее половины из сорока восьми этнических конфликтов, имевших место в мире на начало 1993 года, например, велись между группами из **различных** цивилизаций» [2, С.41].

Для нас важнейшим представляется конфликт Западной и «Православной» (ныне – Российской) цивилизаций, сейчас углубляющийся. Между этими цивилизациями существуют принципиальные историко-религиозные, геополитические, аксиологические, нравственные и гигиено-эстетические расхождения, не способные исчезнуть в ближайшее время (при этом Запад все больше отдаляется в названных аспектах и от остальных цивилизаций). В данной статье мы рассмотрим в основном первую группу этих различий.

I. Античность. Российская цивилизация по своей культуре (религии, грамоте, письменности, праву, видению мира, искусству, системе образования и науки и пр.) выросла из недр восточноевропейской (древнегреческой, затем византийской) цивилизации. Чем же отличалась цивилизация античной

Греции от цивилизации захватившего ее Рима (и, следовательно, от наследовавшего ее Запада)?

1) Греция разработала впервые в мировой истории **рациональную философию** (в это же время существовала философия в Индии и Китае, однако греческая была более современной (рациональной, систематизированной, светской)), целый ряд **наук**, математику (арифметику, математическую теорию музыки, планиметрию, геометрию, тригонометрию, вобрав многое у египтян и вавилонян), физику (механику, оптику, пневматику и др.), астрономию, этику, эстетику, логику, научную медицину, инженерию, политическую (в трудах Платона и Аристотеля) и социальную теории, дала непревзойденные образцы **искусства** (поэзии, риторики, драматургии, прозы, скульптуры, живописи, архитектуры, мифологии). Рим перенял ряд ее интеллектуальных паттернов, мало чем их развив, чаще всего лишь копируя их. В римских философских школах повторяются те же течения, что и в греческих. Однако высокомерие римлян – «победителей» греков не позволяло им с этим соглашаться. Римлянам приходилось принижать значение Греции. И даже Плутарх (являющийся автором высказывания «Лучше быть вторым в Риме, чем первым в Греции») был вынужден описывать интеллектуальные и иные подвиги греков эзоповым языком, предваряя описание достижений и прорывов греков жизнеописанием какого-нибудь заурядного римлянина [3]. *В интеллектуальном плане Рим оказался явно не на высоте, заменив интеллект силой мышц.* Именно поэтому в восточной Римской империи (Византии) постепенно более древний греческий язык вытеснил латынь римских завоевателей. В то же время Рим, опираясь на архитектуру и инженерию Греции, пошел дальше в утилитарных срезях, создав знаменитые водопровод и дороги.

2) Рим заимствовал у греков всю их божественную *мифологию* и Пантеон богов (лишь переименовав их), позже взял и *христианство* (у евреев и греков). При этом культура и религия греков всегда были лабильными, склонными к восприятию менталитета и опыта других народов (прежде всего с востока и севера). Рим сначала жестко боролся с христианством, защищая свой политеизм, а затем с тем же кровавым усердием – с любыми отступлениями уже от римского христианства и с иными религиями.

3) Греки создавали *полисы*, эти вкрапления в ареал иных народов, не уничтожая ни последние, ни их уклад, культуру и даже государственность. Греки старались заимствовать у других народов культуру и менталитет, но ни в коем случае не обделять или уничтожать их. Рим же все усилия направил на достижение *мирового господства* (для чего строилась и соответствующая инфраструктура в виде дорог, крепостей, валов (Адриана и пр.)), единое римское государство в мире, полную ликвидацию всех автохтонных народов, которые с этим не согласны, на создание системы неравноправия на международной арене.

4) Греки впервые (руками Перикла и умом Аспазии при поддержке народа) создали образец *демократии* (в Афинах), разнообразные режимы во всех полисах. Платон впервые предложил равноправие женщин. Римляне никогда не знали демократии: после эпохи царств (абсолютных монархий) у них была «аристократия крови», при переходе к экспансии вовне Апеннинского полуострова замененная на империю (то есть вновь абсолютную монархию).

5) Гуманизм греков не поддерживался Римом, чья *жестокость* как во внешней, так и во внутренней политике, даже в то время выделялась из форм проводимой разными странами политики. Неслучайно так часто восставали против Рима рабы и покорен-

ные им народы. Однако большинство народов, населявших Европу, было уничтожено римлянами: иллирийские, венетские, кельтские (большинство европейцев), фракийцы (даки и др.) и пр. Характерно, что и довольно гуманные греческие *Олимпийские игры*, основанные на сакральном перемирии, в Риме были заменены на бои гладиаторов между собой и с дикими зверями.

6) Вроде бы, единственной бесспорной заслугой Рима было знаменитое *римское право*, из которого, на первый взгляд, выросли как континентальная, так и англосаксонская (прецедентная, со всеми ее изъянами) системы юриспруденции. Римское право явилось образцом или прообразом правовых систем многих государств. Однако и здесь есть что сказать:

– Римское право основывалось на Законах XII таблиц. Но последние (по крайней мере, 10 из 12) составлялись децемвирами путем заимствования (во время специального вояжа в Афины) в середине V в. до н.э. из греческих Законов Солона. Так писали и Полибий, и Цицерон, многие иные авторы [4];

– Римское право, конечно, показало образец высокой техники исполнения, вместе с тем важнее, чем оно наполнено. Публичное, гражданское и преторское право основано на превосходстве Рима и его граждан над варварами, защите агрессивных войн Рима, захвата и уничтожения народов, хотя и прописывало нормы поведения в отношении дипломатов и пленных. Частное право закрепляло незыблемость крупной частной собственности, рабовладение и работорговлю, способы лишения многих прав свободных, но бедных граждан, крайнюю жестокость наказаний.

– Римское право было сохранено и развито (Кодекс Юстиниана, Дигесты и Институции его же, а также последующее правотворчество) не на Западе, а именно в Восточной Римской (*Византийской*) империи в 5-15 вв., тогда как

в варварских государствах Запада (после падения Рима) с 6 по 11 вв. оно в основе было забыто, ибо исчезли и юристы, и города, и грамотность населения.

II. Средневековье. 1) В Римской империи, несмотря на «управленческую вертикаль», всегда были сильны центробежные тенденции (в силу противоречия между диктаторской властью императоров и отсутствием экономической, коммуникационной и культурной общности составлявших ее народов), а в 395 г. она окончательно распалась и были основаны Западная (тут же уничтоженная варварами (гуннами) в 476 г.) и единая Восточная Римская (*Византийская*) империя, просуществовавшая еще тысячу лет, до 1453 г. Все эти века на Западе правили варвары во множестве мелких государств (аналогичных в чем-то Орде), а на Востоке не только сохранялось все оправдавшее себя ранее, но и развивались религия, наука, все виды искусства, теория и практика управления. Огонь *цивилизации* на Западе *погас*, эти века там многие авторы (включая У.Черчилля [5]) называют «темными» в силу отсутствия даже грамоты, письменных источников, неизвестности того, что творили пришедшие гунны, франки, англ, саксы, даны, викинги, как ныне выясняется генетическим анализом, уничтожившие многие народы Европы полностью. Произошел полный крах цивилизации, возвращение обратно в железный век.

Исчезли не только письменность, грамотность (о чем писала уже в 11 в. «из Парижа-городка» Анна Ярославна Рюрикович, ставшая королевой «дырищи вонючей, Франции»), но и города, деньги, ремесла, интеллигенция, духовная культура (искусство, науки, философия, риторика, библиотеки, музеи), юриспруденция, простейшая гигиена, этикет, уничтожены многие великие творения древних. У.Черчилль пишет, что люди ходили в шкурах.

2) На Западе победило язычество, а *христианство исчезло* на века. В то же время на Востоке развивалось *Византийское православие*, затем заимствованное Русью, куда назначали священников, переводили церковные книги, византийцы Кирилл и Мефодий разработали старославянскую азбуку и язык (Кириллица). В итоге после крушения Византии («второго Рима») русский монах начала 16 в. Филофей обоснованно утверждал: Москва – третий Рим, ибо два Рима пало, третий стоит, а четвертому не быть, т.е. прямо подчеркивал генезис московской цивилизации из греко-православной и преемственность русских великих князей от византийских императоров.

3) Реставрация христианства (в форме *католицизма*) на Западе была замешана на *связи с варварством*, отсюда родился отход и от христовой *апостольской* специфики первых веков христианства (Закон Свободы и Правда–Справедливость как принципы, провозглашенные Иисусом), и даже от *епископального* периода, во многом абсорбированного православной Византией. Часто (исходя из М.Вебера) «телегу ставят впереди лошади»: считают, что выбор разновидности христианства был причиной отличий Запада и Востока. На деле, именно ***эти отличия предопределили и различия религиозные***: католицизму с его *жестокостью и иерархией народов* пришлось выбрать Ветхий Завет, причем трактовать его именно по-своему, *утрируя* в нем мотивы расизма, этнонационализма, рабовладения и работоторговли, сексизма и эйджеизма. *Православие* больше ориентировалось на Иисуса и Новый Завет, в котором Христос отвергает названные формы неравенства, отрицает нетрудовое обогащение и провозглашает главным принципом не иерархию народов, а *Любовь, основанную на Правде* (справедливости, распределении по труду и всеобщно-

сти труда) и *Законе свободы* (правах любого человека, равноправии и помощи социально слабым для выравнивания жизненных шансов).

Поэтому Запад и начал (сравните с хронологией столь идеализируемой там «эпохи Возрождения» как гуманистической - 14-16 вв.) непрерывные **крестовые походы** в 11-15 вв. не только против славян, но и через Константинополь в Иерусалим (была полностью уничтожена часть балтских (например, пруссы) и славянских народов). Полной дикостью и садизмом были детские крестовые походы.

Неслучайно в годы Невской битвы 1240 г. и Ледового побоища 1242 г. Александр Невский склонился перед монголами и боролся именно с католиками (так как монголы не стремились ликвидировать православие), а католики и варвары уничтожали всех подряд, вспарывали беременных животы, избивали детей и стариков, в общем, были беспощадны ко всем. Хотели истребить не столько ислам, сколько христианские народы и культуру Византии, Руси и иных стран, рыцари просто плавляли драгоценные скульптуры в слитки, сжигали книги, так что потом пришлось изучать философов Греции в переводе с арабского. Этому же времени соответствуют **костры инквизиции** (с 12-13 вв.), **охота на ведьм** (15-17 вв.), формирование **папоцезаризма** – светской власти римских пап (в Италии и шире), полная, до идиотизма, *схоластика* в философии. Католицизм с его единоначалием, абсолютизмом папской власти стал обоснованием для тоталитарного отношения к подданным. Вряд ли столь массовые религиозные репрессии, кончавшиеся полным опустошением трети Франции и иных стран, можно представить в Византии и на Святой Руси с их *«цезаропапизмом»* и *«симфонией властей»*. Например, Петр I сделал церковь одной из ветвей государственной власти, т.е. священники стояли на

уровне генералов, но не выше. Таким образом, было ликвидировано патриаршество, а для управления церковью возникла Духовная коллегия, преобразованная затем в Святейший Синод. Неслучайно в иерархии сословий в России дворянство было выше духовенства (в отличие от католических стран).

4) *Жестокость*, присущая западной цивилизации, прикрывается в исторических и иных трудах инвективами в том же по адресу России, несмотря на пониженный уровень антигуманизма русского средневековья: трудно сравнивать страну, где не было господства *рабовладельческого* уклада, где даже Иван Грозный (правил в 1533-84 гг.) в период, когда вся Европа жесткими средствами торила дорогу от феодальной раздробленности к абсолютизму, на этом пути уничтожил 3-4 тыс. жителей, со странами Запада, где жившие тогда же и прославляемые Западом английский Генрих VIII, французский Карл IX, испанские Карл V и Филипп II погубили 400 тыс. человек. В одной Голландии испанцы тогда казнили 100 тыс.; в Англии повесили 72 тыс. бродяг и нищих, попавших в безземелье из-за «огораживания»; в Варфоломеевскую ночь во Франции убито 3 тыс., а в последующие 2 недели – 30 тыс.; инквизитор П.Арбуес сжег на кострах 40 тыс. человек, естественно, он приобщен к лику святых [6].

Наличие *единого государства* для целой цивилизации в России, Китае, Индии, Японии снижало необходимость и саму возможность произвольного насилия – в сравнении с войнами, ведущимися непрерывно между мелкими странами Европы. Однако в любой книге Запада, даже в фантастике, подчеркивается жестокость лишь Ивана Грозного. При этом может высмеиваться лицемерие западных *тираноборцев*, прикрывавших красивыми идеями общественного договора, естественного права, права на свержение тирана свое стремление к возврату

средневековой раздробленности, произвола множества феодалов и попов, и одновременно прославляться Андрей Курбский, который сходными словами прикрывал еще и свое предательство Родины, участие в войнах на стороне врагов Руси. Двойной стандарт морали всегда был присущ западной цивилизации, и не только в отношении народов Азии, Африки, Латинской Америки и Океании.

5) Последний период средневековья характеризовался кровавыми *Реформацией* 16 в. и *Контрреформацией* с иезуитами и **30-летними религиозными войнами**. Борьба иосифлян и нестяжателей, как и реформа русской православной церкви, не сопровождалась такими массовыми репрессиями и конфликтами.

6) Параллельно проходили дикие зачистки, *геноцид* населения во время *Конкисты* и *Реконкисты*, *колониальных войн* в Америках, Африке, Азии, приведших к ликвидации самых экономически развитых государств (Китая и Индии) и целых высоких цивилизаций майя, инков, ацтеков, зверской эксплуатации негров, индонезийцев, индокитайцев. Эпоха географических открытий обогатила Европу, но уничтожила целый ряд иных цивилизаций. Колонизация Америки убила 100 млн. (около 80%) местных жителей. Когда Христофор Колумб в 15 веке обнаружил новый континент, это, должно быть, казалось началом новой эпохи. Однако в одной только трансатлантической торговле рабами число погибших составляет 15 млн. человек, примерно 90% черных рабов просто не довозили до Америки, выбрасывая в океан. Эта торговля началась в 16 веке, достигла пика в 17 веке, пока её наконец не отменили в 19 веке. Причиной её была потребность европейцев утвердиться в Новом Свете. Поселенцы использовали рабов из западной Африки, чтобы удовлетворить потребности в рабочей силе на своих плантациях,

тогда как индейцев просто истребляли. В течение последующих столетий европейские мореплаватели исправно доставляли смерть на территории, которые сегодня называются Северной и Южной Америкой. В Южной Америке первый ее историк монах-доминиканец Бартоломео Лас Касас описывал, как конкистадоры вешали и топили индейцев, разрубали их на части, сжигали живьем, поджаривали на медленном огне, травили собаками, не щадя даже стариков, женщин и детей. Кроме войн и вооружённых столкновений, к огромным жертвам привело отсутствие у туземцев иммунитета к европейским заболеваниям, чем пользовались европейцы, продавая индейцам зараженные инфекцией одеяла. Будущие американцы и канадцы платили за каждый скальп индейца, сгоняли оставшихся на пустынные земли все дальше и дальше. То же самое было и после открытия **Австралии** до середины 20 века.

III. Новое время. 1) Новое время начинается с кровавых *революций* в самых «цивилизованных» странах. Когда Россию упрекают в жестокости большевиков, «забывают» об ее обоеюдности, применении с обеих враждующих сторон (причем, как и везде, «красный террор» явился ответом на «белый») и о бескровности самих революций (сверху – в 1861 г., снизу – обеих революций 1917 г.), вспоминая лишь о «гражданской» войне, организованной 14 «цивилизованными» державами и игнорируя *массовый террор* и *геноцид* во время Голландской, Английской, Французских и двух Американских революций.

2) К началу XX в. завершился *раздел всего мира* между несколькими державами Запада в рамках их стремления к мировому господству: сначала Испании и Португалии, потом – Голландии и Англии, Франции и Бельгии, к концу XIX в. на тот же путь встают «отставшие» в ограблении мирового Юга Гер-

мания, Италия и США, что неизбежно вело к I мировой войне в силу отсутствия «свободных» пространств, «освоенных» старыми колонизаторами.

3) На фоне сохранения и довольно бережного отношения России к народам, попавшим в ее орбиту, особенно выделяются цивилизационный расизм Запада, возрождение там *рабовладения* и работорговли, этнорасизма, неравноправия народов, сегрегации и апартеида. Наивысшим проявлением откровенной ксенофобии и шовинизма явился западный *нацизм-фашизм, победивший* практически на всем европейском континенте: фашисты пришли к власти сами в Италии, Германии, Португалии, Испании (почти сами), Венгрии, Румынии, с помощью иных фашистских стран – в южной Франции (остальная была просто сдана Гитлеру), Словакии, Норвегии, Австрии, Хорватии. Фашисты Германии и Италии захватили и присоединили к себе остальные страны континента, введя там свою фашистскую диктатуру (Польша, Чехия, Дания, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Сербия и иные части Югославии), пошли на союз со странами Оси диктаторы или монархи стран Прибалтики (вовремя переключенные на союз с СССР, а потом и на вхождение в последний), Болгарии, Финляндии. Фашизм Европы, субсидированный монополиями США, Англии, – закономерное следствие, вытекающее из тогдашней сути западной цивилизации (стремления к мировому господству, к диктатуре внутри страны, к иерархии народов).

Это отрицание *всех базовых ценностей* эпохи Просвещения (Свободы, Равенства и Братства) на всем континенте было особо показательно на фоне выбора Россией социализма, основанного на приоритете ряда из названных ценностей. Именно предпочтение СССР одних ценностей эпохи Просвещения (Равенства и Братства), а Англией и США – других (личной Сво-

боды) и позволил этим державам объединиться перед лицом смертельной угрозы со стороны Абсолютного Зла во Второй мировой войне. В дальнейшем Запад долго вел колониальные войны против народов, освобождению которых содействовал СССР. В конце концов Запад был вынужден поменять стратегию открытого колониализма на давно проводимую, в частности, США политику неоколониализма, лишь экономического ограбления и культурного доминирования Запада в третьем мире, для закрепления которых США и НАТО с 1945 г. осуществили около ста агрессий.

IV. Эпоха «постмодерна». 1) После второй мировой войны к 1970 г. традиционные колониальные империи потерпели крах, освободилось более 100 государств, а колоний осталось около 30 и то, небольших. В современных условиях (после ликвидации второго полюса – СССР) Запад все 1990-2000-е гг. доминировал в мире, при этом США стали единственным *гегемоном* на мировой арене, что привело как к открытому *цивилизационному расизму* («цивилизованными» на Западе и у российских либералов открыто и постоянно называются лишь сами страны Запада – «цветущий сад против джунглей»), так и к отрицанию суверенитета любой страны, кроме самих США. Мир впервые стал *однополярным* (ведь даже Рим не охватывал весь мир). Глобализацией стала называться *однолинейная вестернизация*, под которой понимается навязанная *американизация* всего мира. Где-то с 2007 г. Россия осмыслила гибельные для себя последствия постоянного отступления от своей цивилизационной основы внутри страны и на международной арене и изменила политику, не нравятся американизация, регулярные интервенции и развязывание «цветных революций» и народам, входящим во многие иные цивилизации и даже части населения Запада. Все это и вызвало нынешнее

обострение международных отношений. В большинстве стран Запада стратегическое руководство осуществляется из Вашингтона и посольства США, а оперативное управление – из Брюсселя, штаб-квартиры ЕС, что привело к полной ликвидации суверенитета любой страны Европы, имеющей его меньше, чем соцстраны, входившие в просоветский блок ОВД и даже, чем отдельные субъекты РФ ныне.

2) Запад перешел к *отрицанию не только ценностей эпохи Просвещения, но и всех традиционных (институциональных) ценностей*, которых дотоле столь ярко придерживался (в борьбе с СССР): государства, нации, религии, семьи – везде, кроме нации и государства самих США. Семья, брак, дети – эти ценности полностью отвергаются под лозунгами “Family free, marriage free, child free”. Промискуитет, гедонизм, извращения, 70 родов (гендеров), отрицание роли родителей в семье стали вполне легитимными и даже диктуемыми для всех ценностями. Одновременно в России пришли к власти консервативные силы, не только стремящиеся сохранить названные институты, но и отдающие им приоритет.

3) Если раньше Запад просто подавлял иные цивилизации и их ценности, то ныне на Западе господствуют два *несовместимых*, но одинаково тоталитарных тренда: а) диктат секс-меньшинств над гетеросексуалами и сторонниками традиционной семьи; б) диктат мультикультурализма и толерантности к поведению мигрантов, навязывающих свои ценности, при игнорировании прав своих граждан выразившийся в «позитивном расизме», направленном против белых. Это говорит об упадке пассионарности Запада, суицидальном единстве нетерпимости к традиционным ценностям и толерантности к новому переселению народов на Запад.

В России же традиционно сохраняется терпимость к разным конфессиям, обычаям, стремление к взаимопониманию и взаимообогащению культур – как народов России, так и лучшим образцам иных культур. В целом, россияне более ориентированы на равноправие народов и взаимоуважение их интересов, а Запад – на гегемонию. Рост сопротивления России западным ценностям свидетельствует о взрыве пассионарности, последовавшем после 20-летнего отступления, особенно с «Русской Весны» 2014 г. Именно поэтому А.Пар и считает, что Россия опирается на традиции не Западной, Римской империи, а Восточной, Византийской и, в силу этого, не станет частью Запада. России и Западу необходимо сосуществовать, признав принципиальные свои различия и расхождения [7].

Вывод: Запад, опираясь на римскую традицию, всегда был склонен к **жесткой антипатии** к «несвоим», вплоть до геноцида многих народов, нацизма, расизма и рабства. Отсюда и выбор ценностей Ветхого Завета католицизмом (и протестантизмом в виде расизма и пр.). Российская цивилизация, больше ориентируясь на ценности древней Греции и ее наследника – Византии, а также монгольской Яссы, всегда выбирала ценности **эмпатии** (а потому интернационализма и коллективизма) и потому руководствовалась прежде всего Новым Заветом Иисуса с его главным законом Любви, что и предопределило своеобразную интерпретацию и религии в виде православия. Именно это противоречие между ценностями и предопределяет постоянную русофобию Запада в отношении как русских, так и России, мешающей мировому господству и узаконению расизма-гегемонизма Запада и дающей иной паттерн отношений между народами.

Список литературы / References

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. 588 с.
Fukuyama F. The end of history and the last man. – Moscow: AST, 2004. 588 p. (In Russ.)
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2017. 640 с.
Huntington S. Clash of Civilizations. – Moscow: AST, 2017. 640 p. (In Russ.)
3. Знаменитые греки и римляне. – СПб: Омега, 1993.– 448 с.
Famous Greeks and Romans. – St. Petersburg: Omega, 1993. – 448 p. (In Russ.)
4. Кофанов Л.Л. Законы XII Таблиц и проблема sodales. *Античность Европы. Межвуз. сб. науч. статей.* – Пермь: Пермский ун-т, 1992. С.15-22. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1292449396>.
Kofanov L.L. Laws of the XII Tables and the problem of sodales. *Antiquity of Europe. Inter-university. sci. articles.* – Perm: Perm University. – 1992. – P.15-22. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1292449396>. (In Russ.)
5. Черчилль У.С. Рождение Британии. – Смоленск: Русич, 2007.
Churchill U.S. The Birth of Britain. – Smolensk: Rusich, 2007. (In Russ.)
6. Мазуркевич С.А. Энциклопедия заблуждений. История – М.: Эксмо; Донецк: СКИФ, 2003. С.163-165, 210.
Mazurkevich S.A. Encyclopedia of delusions. History – Moscow: Eksmo; Donetsk: SKIF, 2003. P.163-165, 210. (In Russ.)
7. Рар А. Россия не станет частью Запада и даже частью Европы. URL: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html> (дата обращения 19.09.2016).
Rar A. Russia will not become part of the West and even part of Europe. URL: <https://rg.ru/2016/09/19/aleksandr-rar-rossiia-ne-stanet-chastiu-zapada-i-dazhe-chastiu-evropy.html> (accessed 19.09.2016). (In Russ.)
8. Беляев В.А., Сibaева Г.Р., Волков В.Р. Индигенизация vs глобализация: элиминация или гомеостаз Вестфальской системы. *Социальное время.* 2023;(1): 67-77.
Belyaev V.A., Sibaeva G.R., Malysheva E.V. Indigenization vs globalization: elimination or homeostasis of the Westphalian system. *SocioTime.* 2023;(1): 67-77. (In Russ.)
9. Беляев В.А., Сibaева Г.Р., Волков В.Р. Социодемографические факторы геополитического разлома. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2023;(3(60)):9-16.
Belyaev V.A., Sibaeva G.R., Malysheva E.V. Sociodemographic factors of the geopolitical rift. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin.* 2023;(3(60)):9-16. (In Russ.)
10. Беляев В.А., Сibaева Г.Р., Волков В.Р. Внутренние социогеографические факторы геополитического конфликта цивилизаций. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2023;(3(60)):17-21.
Belyaev V.A., Sibaeva G.R., Malysheva E.V. Sociogeographic factors of the geopolitical conflict of civilizations. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin.* 2023;(3(60)):17-21. (In Russ.)
11. Беляев В.А., Сibaева Г.Р., Волков В.Р. Влияние геостратегического позиционирования страны и цивилизации на их геополитику // *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2023;(3(60)):22-27.
Belyaev V.A., Sibaeva G.R., Malysheva E.V. The influence of the geostrategic positioning of a country and civilization on its geopolitics. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin.* 2023;(3(60)):22-27. (In Russ.)
12. Беляев В.А. Украина и Турция: поддержка нацизма либерализмом. Доклад и публикация. *Россия в пространстве глобальных трансформаций в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике. Международная междисциплинарная науч. конф. “XIX Вавиловские чтения” – Йошкар-Ола: Поволж. гос. технол. ун-т, 3-4 дек. 2015 г.*
Belyaev V.A. Ukraine and Turkey: support of Nazism by liberalism. Report and publication. *Russia in the space of global transformations in the focus of the sciences of man, society, nature and technology.*

International interdisciplinary scientific conference "XIX Vavilov readings". Yoshkar-Ola: Volga.state.technol.un-t, 3-4 Dec.2015. (In Russ.)

13. Беляев В.А. Генетическое и субстанциональное родство либерализма и нацизма как фактор угрозы безопасности в современном мире. *Россия в пространстве глобальных трансформаций в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике. Международная междисциплинарная науч.конф. "XIX Вавиловские чтения"* – Йошкар-Ола: Поволж.гос.технол.ун-т, 3-4 дек.2015 г.

Belyaev V.A. Genetic and substantial kinship of liberalism and Nazism as a security threat factor in the modern world. *Russia in the space of global transformations in the focus of the sciences of man, society, nature and technology. International interdisciplinary scientific conference "XIX Vavilov readings"* – Yoshkar-Ola: Volga.state.technol.un-t, 3-4 Dec.2015. (In Russ.)

14. Беляев В. А. Конвергенция либерализма и нацизма. *Социальное время*. 2015;(2(2)):78-83.

Belyaev V.A. Convergence of liberalism and Nazism. *SocioTime*. 2015;(2(2)):78-83. (In Russ.)

15. Беляев В. А. Социальные основы политического режима. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2021;(1(48)):4-11.

Belyaev V.A. Social basics of the political regime. *The Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2021;(1(48)): 4-11. (In Russ.)

16. Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сibaева Г.Р. Институциональные ценности демократии vs феминатизм, social justice warriors, BLM и "поколения снежинок". *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022; (3(54)):12-18.

Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Institutional values of democracy vs

feminatists, social justice warriors, BLM and "snowflaker generations". *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2022; (3(54)):12-18. (In Russ.)

17. Беляев В.А., Ахметшина А.А., Сibaева Г.Р. Социальные ценности демократии и их измерители. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022;(3(54)):19-25.

Belyaev V.A., Akhmetshina A.A., Sibaeva G.R. Social values of democracy and their measurers. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2022;(3(54)):19-25. (In Russ.)

18. Беляев В.А., Сibaева Г.Р., Малышева Е.В. Fraternité как один из критериев демократии vs cancel-culture. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2022;(3(54)):26-33.

Belyaev V.A., Sibaeva G.R., Malysheva E.V. Fraternité as one of the criteria of democracy vs cancel-culture. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2022;(3(54)):26-33. (In Russ.)

19. Беляев В.А., Малышева Е.В., Сibaева Г.Р. Ревитализация средствами выездного туризма социального лица Войны и Победы. *Вестник экономики, права и социологии*. 2020;(1):97-104.

Belyaev V.A., Malysheva E.V., Sibaeva G.R. Revitalization by means of outbound tourism the social face of war and victory. *The review of economy, the law and sociology*. 2020;(1):97-104. (In Russ.)

20. Беляев В.А., Малышева Е.В., Сibaева Г.Р. Возможности внутреннего туризма в освещении социального характера Великой Отечественной войны. *Вестник экономики, права и социологии*. 2020;(2):128-135.

Belyaev V.A., Malysheva E.V., Sibaeva G.R. Opportunities for domestic tourism in highlighting the social nature of the Great Patriotic War. *The review of economy, the law and sociology*. 2020;(2):128-135. (In Russ.)

Информация об авторах

Беляев Владимир Александрович, д.полит.н, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет– КАИ им. А.Н.Туполева

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

Сibaева Гульназ Рашитовна, к.э.н., доцент, кафедра информационных технологий и интеллектуальных систем, Казанский государственный энергетический университет

E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

Information about authors

Belyaev Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Management, Kazan National Research Technical University– KAI named after A.N.Tupolev.

E-mail: vlad_belyaev@list.ru

Sibaeva Gulnaz Rashitovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University

E-mail: sibaeva.gr@kgeu.ru

Поступила в редакцию 06.09.2023; принята к публикации 24.10.2023

Received 06.09.2023; Accepted 24.10.2023

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.23-29>

**Цифровая компетентность российской молодежи:
состояние и факторы влияния**

Ларионова И.В., Максимова О.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация,
Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ,
420111, Казань, ул. К. Маркса, 10, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию цифровой компетентности молодежи, анализу данных, собранных в ходе репрезентативного общероссийского социологического опроса молодежи, проведенного коллективом авторов в 2023 г. Целью данного исследования является более глубокое понимание текущего уровня цифровой грамотности российской молодежи и выявление факторов, влияющих на ее развитие. Обобщение полученных результатов позволяет сделать выводы о том, как молодежь адаптируется к цифровому миру, какие вызовы и возможности это предоставляет, и какие стратегии могут быть разработаны для укрепления и совершенствования их цифровой компетентности.

Ключевые слова: цифровая компетентность, цифровое поколение, цифровые технологии, идентичность.

Благодарности: статья выполнена в рамках проекта № FZSM-2023-0022, за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету в рамках государственного задания.

Для цитирования: Ларионова И.В., Максимова О.А. Цифровая компетентность российской молодежи: состояние и факторы влияния. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;(5(62)):23-29. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.23-29>.

Digital competence of Russian youth: state and factors of influence

Larionova I.V., Maximova O.A.

Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlevskaya St., Bldg. 1, Kazan, 420008, Russian Federation.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev.
A.N. Tupolev-KAI,
10 K. Marx St., Kazan, 420111, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of digital competence of youth, the analysis of data collected during a representative all-Russian sociological survey of youth conducted by a team of authors in 2023. The purpose of this study is a deeper understanding of the current level of digital literacy of Russian youth and the identification of factors affecting its development. Summarizing the results obtained allows us to draw conclusions about how young people adapt to the digital world, what challenges and opportunities it provides, and what strategies can be developed to strengthen and improve their digital competence.

Keywords: digital competence, digital generation, digital technologies, identity.

Acknowledgements: The article was implemented due to the grant allocated to Kazan Federal University for the implementation of the project №FZSM-2023-0022.

For citation: Larionova I.V., Maximova O.A. Digital competence of Russian youth: state and factors of influence. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(5 (62)):23–29. (In Russ.)

Введение

Цифровая трансформация, обусловленная стремительным развитием информационных и коммуникационных технологий, переформирует современное общество, влияя на все аспекты жизни. Информационные технологии стали неотъемлемой частью современной жизни, оказывая значительное влияние на процесс социализации молодых поколений в образовательной и профессиональной сферах. Современные цифровые поколения выросли в эпоху цифровой революции, в мире гаджетов, интернета и социальных сетей [1, 2, 3]. Оно неизбежно сталкивается с уникальными вызовами и возможностями, связанными с использованием цифровых ресурсов. При этом именно молодежь становится ключевым агентом данной трансформации.

Цифровая компетентность, то есть способность эффективно и уверенно взаимодействовать с цифровыми технологиями, становится ключевой компетенцией для молодежи в современном мире [4]. Она влияет на их профессиональную карьеру, возможности для образования [5, 6], общения, а также на участие в гражданской жизни и культурных процессах [7].

Методы

Основным методом исследования стал репрезентативный он-лайн опрос российской молодежи, проведенный коллективом авторов в 2023 году.

Объем выборочной совокупности составит 2206 чел. из восьми округов РФ, проживающих в разных типах поселений. Характеристики респондентов – представителей исследуемой социально-демографической группы

выглядят следующим образом: молодежь, в возрасте от 18 до 35 лет, мужчин – 48,3%, женщин – 51.7%.

Результаты и обсуждение

При определении своего уровня цифровой компетентности около половины молодых респондентов (49,2%) оценили его как средний. Значительная доля опрошенных (41,5%) считает свой уровень высоким. Подобные ответы предполагают, что подавляющее большинство участников опроса имеет уверенные навыки в области цифровых технологий. Однако также есть небольшая доля (6,6%) молодых людей, которые дали низкую оценку своей цифровой компетентности, что может указывать на потребность в дополнительном обучении и развитии их цифровых навыков.

Анализ полученных данных в зависимости от ряда социально-демографических характеристик респондентов позволил выделить несколько значимых тенденций.

Так, при сравнении ответов респондентов в возрастных группах 18-25 лет и 26-35 лет, мы видим, что более молодые респонденты увереннее оценивают свои цифровые компетенции: 43,4% из них против 37,4% из более старшей группы считают, что у них «высокий» уровень. И, наоборот, показатели среднего уровня выше у респондентов 26-35 лет (соответственно 50,4% и 37,4%). Это может указывать на то, что чем моложе респонденты, тем они более адаптированы к цифровым технологиям.

Различия в оценках в зависимости от типа населенного пункта респондентов также очевидны. Молодежь из городов от 500 тыс. жителей оценивает свой уровень цифровой компетентности значительно выше, чем жители сельской местности и городов менее 50 тысяч. В крупных городах и мегаполисах преобладает «высокий» уровень цифровой компетентности (от 46,2% до

48,0%). При этом отметим, что во всех типах населенных пунктов около половины молодых людей определили свой уровень как средний. В сельской местности и городах до 500 тыс. жителей этот уровень доминирует (от 50,0% до 54,8%). Вероятно, это связано с более широким доступом к современным образовательным и информационным технологиям в крупных урбанистических центрах.

Отметим значимость гендерного фактора в этом вопросе. Мужчины склонны оценивать свою цифровую компетентность выше, чем женщины. Около половины (46,3%) молодых мужчин считают свой уровень высоким, в то время как у женщин этот показатель составляет лишь 36,9%. Этот факт может отражать межгендерные различия в интересах и предпочтениях в использовании цифровых технологий.

Прослеживается явная зависимость ответов от уровня образования. Среди респондентов с высшим образованием и ученой степенью только около половины оценивают свою цифровую компетентность высоко (46,8% и 50,0%). В то время как молодые люди со средним и средним специальным образованием дают ей оценку еще ниже: более половины определяют свой уровень средним (52,0% и 55,7% соответственно) и лишь около трети (38,5% и 32,5%) – высоким. При этом выявлена интересная особенность: большинство респондентов с неполным средним образованием оценили свою цифровую компетентность значительно выше (45,7% – высокий уровень, 42,9% – средний). Это может свидетельствовать о том, что образование не всегда прямо коррелирует с уровнем цифровой грамотности, и большее значение играет возраст респондентов, поскольку неполное среднее образование в основном у самой молодой когорты, относящейся к цифровому поколению «альфа». Кроме того, респонденты

более старшего возраста, с высшим образованием могут более критично относиться к своим цифровым навыкам.

По данным опроса, отношение к цифровой компетентности имеет определенную зависимость от уровня материального положения молодых респондентов. С повышением уровня обеспеченности растет доля респондентов, оценивших свой уровень как высокий: от 31,7% на базовом уровне (у кого хватает средств на необходимые покупки) до 60,3% у тех, кто «может себе позволить практически все». Можно предположить, что это обусловлено различной степенью доступности и необходимости для жизни информационных технологий, а также возможностями приобретения современных устройств.

Важным аспектом цифровой компетентности является частота использования работающими молодыми людьми цифровых и интернет-технологий в конкретной сфере работы и бизнеса. Половина опрошенных респондентов (50,5%) активно вовлечена в использование цифровых инструментов в своей профессиональной деятельности. Данный факт отражает важность и неотъемлемость информационных технологий в современной рабочей среде, где они позволяют улучшить производительность, коммуникационные процессы и доступ к информации.

Наряду с этим выявлена значительная доля респондентов, использующих цифровые технологии в работе редко (15,0%) или иногда (23,6%). Это может указывать на то, что для некоторых профессионалов цифровые инструменты имеют вспомогательное значение или используются лишь в определенных аспектах их работы. Возможно, наличие определенных ограничений или предпочтений в применении более традиционных методов в некоторых профессиональных областях.

Однако также следует отметить, что небольшая часть молодых людей (6,8%) заявила, что они никогда не используют цифровые технологии в рамках своей профессиональной деятельности. Это может свидетельствовать о специфике профессиональных областей, где цифровые инструменты могут быть менее важными или не являются обязательными, но также о низком уровне их цифровой компетентности.

На основе полученных данных проведем сравнительный анализ подвыборок респондентов по ряду значимых критериев.

Молодые мужчины и женщины показывают схожий уровень активности в использовании цифровых технологий в сфере работы и бизнеса, и разница в частоте минимальна. Это свидетельствует об отсутствии межгендерных различий, представители обоих полов активно вовлечены в цифровую среду в профессиональном контексте.

Однако выявлена возрастная динамика. Представители молодежной когорты 18-25 лет проявляют несколько большую активность в данной сфере по сравнению с группой 26-35 лет: часто используют 54,5% и 49,0% соответственно; редко, либо иногда – 37,7% и 45,4% соответственно. Это может отражать различия в цифровой грамотности и предпочтениях в использовании технологий между разными возрастными категориями. В целом отметим, что молодые работники более подготовлены к использованию цифровых инструментов и технологий в своей профессиональной деятельности в силу их более тесной связи с цифровой средой и новыми технологиями.

Обнаруживается также взаимосвязь с фактором образования. Респонденты с высшим образованием и ученой степенью более активно используют цифровые технологии в работе и бизнесе, чем те, у кого образование ниже. Так, 62,2% респондентов с высшим образованием заявили, что используют их

часто, в сравнении с 37,5% среди респондентов со средним специальным образованием. При этом обнаружен интересный факт: примерно каждый второй представитель подвыборок неполного среднего и среднего уровня образования применяет информационные технологии в своей работе или бизнесе часто (51,4% и 48,5% соответственно).

Выявлен значительный рост активности в цифровой среде в городских типах поселения по сравнению сельскими. В городах-миллионниках и городах от 500 тыс. до 1 млн. жителей, более 60% респондентов используют цифровые технологии в работе и бизнесе часто. Аналогичный показатель для сельской местности – всего 36,9%. Среди сельских жителей 9,5% не используют цифровые технологии в работе и бизнесе никогда, а еще 25,0% – редко. Это может быть связано с ограниченным доступом к высокоскоростному интернету и менее развитой инфраструктурой для работы с цифровыми инструментами, а также спецификой преимущественно сельскохозяйственного труда на селе.

Респонденты с разными уровнями материального положения также проявляют различия в применении цифровых инструментов в профессиональной среде. Те, кто «может себе позволить практически все» и «живут обеспеченно», более активно используют цифровые технологии в работе и бизнесе. Среди них соответственно 67,2% и 64,9% заявили, что делают это часто. В то же время те, у кого «денег не хватает даже на самые необходимые продукты» или «все деньги расходуются на продукты и необходимые недорогие вещи» чаще всего заявляют, что никогда, редко или иногда используют цифровые технологии (суммарно 60,5% и 59,7% соответственно). Это может отражать различия в доступности современных технологических

устройств и информационных ресурсов в зависимости от материального благополучия.

В целом, анализ данных исследования указывает на широкое внедрение цифровых и интернет-технологий в сфере работы и бизнеса, что делает их неотъемлемой частью профессиональной деятельности. Но также актуализируется необходимость учета требований различных профессиональных сфер при разработке стратегий и обучения в области цифровой компетентности. При этом доступность цифровых технологий и инфраструктуры может оказывать существенное влияние на частоту использования цифровых ресурсов в сфере работы и бизнеса среди различных групп респондентов.

Выводы

Анализ результатов проведенного социологического опроса позволяет сделать несколько ключевых выводов относительно цифровой компетентности современной российской молодежи. Во-первых, большинство молодых людей демонстрирует высокий или средний уровень цифровой компетентности, что свидетельствует о широком распространении и активном использовании цифровых технологий в их повседневной жизни. Более высокий уровень цифровой грамотности у молодых людей, особенно у представителей поколения Z и Альфа, очевидно, объясняется тем, что этап первичной социализации они проходили в эпоху цифровых технологий.

Во-вторых, возрастные, образовательные и экономические факторы оказывают значительное влияние на уровень цифровой грамотности, при этом молодые люди более молодого возраста и проживающие в крупных городах проявляют более высокий уровень цифровой компетентности по сравнению с их сверстниками.

Наконец, несмотря на широкое внедрение цифровых технологий, некоторая доля молодежи все еще предпочитает традиционные методы или сталкивается с ограниченным доступом к цифровым ресурсам, что подчеркивает важность проведения образовательных программ и инициатив по развитию цифровых навыков среди молодежи.

Заключение

В целом, анализ позволил выявить различия в уровне компетентности и активности использования цифровых

технологий среди разных групп молодых респондентов. Эти различия свидетельствуют о важности адаптации программ и инициатив по развитию цифровой грамотности к специфическим потребностям и возможностям разных категорий молодежи.

Глубокое понимание уровня цифровой компетентности молодежи и факторов, влияющих на нее, играет важную роль в формировании эффективных стратегий развития и поддержки цифровых навыков среди молодежи для успешной адаптации к быстро меняющейся цифровой среде.

Список литературы / References

1. Palfrey J., Gasser U. *Born Digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. N.Y., 2008. 335 p.

2. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon*. October 2001. Vol. 9, No. 5. P. 1–6.

3. Tapscott D. *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. McGray-Hill, 2008. 384 p.

4. Минзарипов Р.Г., Шамсутдинова И.И. Цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных изменений. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;(4(61)):41-44. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.41-44>

Minzaripov R.G., Shamsutdinova I.I. Digital competence of youth in the context of global changes. *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2023;(4 (61)):41-44. (In Russ.)

5. Ларионова И.В. Высшее образование в России: особенности и проблемы болонского процесса. *Вестник экономики, права и социологии*. 2016; (3): 162-164.

Larionova I.V. Higher education in Russia: features and problems of the Bologna process. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2016; (3):162-164. (In Russ.)

6. Нарматуллина Л.К., Ахметгалиева А.Р. Роль информационных технологий в обеспечении качества образовательного процесса. *Научное обозрение: гуманитарные исследования*. 2016;(5):6-10.

Nagmatullina L.K., Akhmetgalieva A.R. The role of information technologies in ensuring the quality of the educational process. *Scientific review: humanitarian studies*. 2016;(5):6-10. (In Russ.)

7. Ефлова М.Ю., Максимова О.А., Озерова К.А. Гражданский цифровой активизм и социальная эксклюзия в условиях вынужденного погружения в цифровую среду. *Вестник экономики, права и социологии*. 2021;(1):124-128.

Eflova M.Yu., Maximova O.A., Ozeroва K.A. Civic digital activism and social exclusion in conditions of forced immersion in the digital environment // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2021;(1):124-128. (In Russ.)

Информация об авторах

Ларионова Ирина Викторовна, канд. социол. наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, кафедра социологии, политологии и менеджмента
E-mail: larionov11@yandex.ru

Максимова Ольга Александровна, канд. социол. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии; Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, кафедра социологии, политологии и менеджмента
E-mail: olga_max@list.ru

Information about authors

Larionova Irina Viktorovna, cand. sociol. sci., Associate Professor, Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev-KAI, Department of Sociology, Political science and Management.
E-mail: larionov11@yandex.ru

Maximova Olga Alexandrovna, cand. sociol. sci., Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology; Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev-KAI, Department of Sociology, Political science and Management.
E-mail: olga_max@list.ru

Поступила в редакцию 14.10.2023; принята к публикации 26.10.2023
Received 14.10.2023; Accepted 26.10.2023

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.30-41>.

**Образ будущего и справедливое
социальное устройство:
общественное мнение нижегородцев в 2022 году**

Лубяной М.С., Самсонов А.И., Фоменков А.А.

*Научно-исследовательский Институт проблем социального управления,
603155, ул. Трудовая, д.6, Нижний Новгород, Российская Федерация
Приволжский филиала Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), ул. Костина,
д. 4 603000, Нижний Новгород, Российская Федерация
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, пр-т Гагарина, д.23, г. Нижний Новгород;
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, 603155, ул. Минина, 31А, Нижний Новгород,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье кратко излагаются отдельные результаты социологического исследования общественного мнения жителей Нижегородской области, приуроченного к 100-летию создания СССР. Результаты исследования рассматриваются с точки зрения влияния советского периода истории страны на формирование образа будущего в масштабе макросоциальных групп и слоев населения. В статье представлена роль и влияние сформировавшихся в советский период представлений о социальной справедливости и, в узком смысле, справедливом социальном устройстве общества и государства на формирование образа будущего в современной России. Подчеркивается ключевая роль сформировавшихся в советский период представлений и коллективной исторической памяти в дальнейшем развитии страны, единства регионов и центра. Материалы продолжают серию исследований 2015 – 2022 гг. и основаны на данных исследований, проводимых Приволжским филиалом ФНИСЦ РАН и АНО «Научно-исследовательский Институт проблем социального управления» (г. Нижнего Новгород).

Ключевые слова: социальная перспектива, образ будущего, справедливость, ценности, морально-этические нормы, жизненные стратегии, информационное общество, историческая память, макросоциальные группы, Нижегородская область.

Для цитирования: Лубяной М. С., Самсонов А. И., Фоменков А. А. Образ будущего и справедливое социальное устройство: общественное мнение нижегородцев в 2022 году. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;5(62)::30–41. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.30-41>.

The image of the future and a fair social structure: public opinion of nizhny novgorod residents in 2022

Lubyanoy M.S., Samsonov A.I., Fomenkov A.A.

Autonomous non-profit Organization "Research Institute of Social Management Problems", 603155, Nizhniy Novgorod, Russian Federation
Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (VB – FCTAS RAS) 603000 Nizhniy Novgorod, Russian Federation
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 603950, Gagarin Ave., 23, Nizhny Novgorod;
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, 31A Minina str., 603155, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article summarizes the individual results of a sociological study of the public opinion of residents of the Nizhny Novgorod region, dedicated to the 100th anniversary of the creation of the USSR. The results of the study are considered from the point of view of the influence of the Soviet period of the country's history on the formation of the image of the future on the scale of macro-social groups and strata of the population. The article presents the role and influence of ideas formed in the Soviet period about social justice and, in a narrow sense, the just social structure of society and the state on the formation of the image of the future in modern Russia. The key role of the ideas and collective historical memory formed in the Soviet period in the further development of the country, the unity of the regions and the center is emphasized. The materials continue the series of studies 2015-2022. and are based on research data conducted by the Volga Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences and the ANO "Research Institute of Social Management Problems" (Nizhny Novgorod).

Keywords: social perspective, image of the future, justice, values, moral and ethical norms, life strategies, information society, historical memory, macro-social groups, Nizhny Novgorod region.

For citation: Lubyanoy M.S., Samsonov A.I., Fomenkov A.A. The image of the future and a fair social structure: public opinion of nizhny novgorod residents in 2022. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(5(62)):30–41 (In Russ.)

Введение

Проблема образа будущего в общественных науках, в частности социологии, не является эксклюзивом современной эпохи. Сегодняшнее впечатление новизны проблемы во многом создается тем, что в период 90-х годов XX века – первой половине 2000-х, большинство исследователей находилось под влиянием знаменитого тезиса Френсиса Фукуямы о конце истории [1]. В результате господствующим методологическим принципом выступала неокантианская традиция, трак-

тующая образ будущего как результат индивидуалистической рефлексии субъекта о собственном будущем [2]. Большинство российских и многие зарубежные исследователи рассматривали образ будущего в контексте повседневных, обыденных представлений, как совокупность типических характеристик, свойств и направлений жизненного сценария, индивидуального мыслительного эксперимента, проектируемого в сознании. Рассматривая образ будущего через призму установок и ориентаций на социальную

перспективу, ряд исследователей в качестве главной функции видели ориентационную, выступающую основой построения как личных, так и групповых стратегий и жизненных программ [3, с. 141].

Не умаляя актуальности и значения исследований в данной традиции, особенно в контексте формирования молодежной политики, необходимо отметить определенную односторонность данного подхода. Индивидуальные и групповые жизненные стратегии, в том числе, базирующиеся на морально-этических и ценностных установках, отнюдь не синонимичны образу будущего. Существуют значимые расхождения в том, как важные ценностные представления, такие как понятие справедливости социальной системы и её отдельных элементов, выглядят на уровне общественного мнения и индивидуальной позиции социальных субъектов в конкретных бытовых ситуациях [4; 5]. Именно с различной интерпретацией морально-этических и ценностных установок на уровне общественного мнения и их индивидуальной интерпретацией социальными субъектами связано, в значительной мере, все возрастающее количество как научных, так и политико-публицистических публикаций, описывающих систему ценностей современного российского общества.

Методы

Статья опирается на материалы социологического исследования, проведенного сотрудниками АНО «Научно-исследовательский Институт проблем социального управления» 26–28 апреля 2022 года на территории Нижегородской области. Выборка – 2014 респондентов, комбинированная, общеобластная, районированная, пропорциональная по полу и возрасту (лица старше 18 лет). Метод сбора данных – опрос по месту жительства респондентов. Доверительная вероят-

ность 97%, доверительный интервал $\pm 3,2\%$. Доля немотивированных отказов отвечать на вопросы – 17%. Результаты данного исследования дают картину общественных представлений об СССР среди жителей Нижегородской области и, в том числе тех, что сегодня служат основой формирования образа будущего для значительной части населения.

Результаты и обсуждение

Ещё в конце XX века большая группа исследователей отмечала, что «в социокультурном и ценностном плане сложившуюся в России в настоящее время ситуацию можно было бы представить как единство противоположностей ценностей, находящихся на разных стадиях институционализации» [6, с. 18]. С этой точки зрения к настоящему времени период институционализации практически завершился, закрепив возникшее единство противоположностей.

Важнейшей характеристикой глобальной неопределенности, возникшей в результате исчерпания ресурса развития господствующей социально-экономической и общественно-политической модели, является ситуация парадокса – общество одновременно нуждается в способности формулировать и продвигать долгосрочные цели, а с другой стороны, само находится в состоянии дефицита ресурсов и отсутствии единства в отношении будущего [7]. Образ будущего, в социологическом понимании, выступает коллективным итогом индивидуальной рефлексии о социальной перспективе, одновременно опирающейся как на имеющийся у индивида опыт и совокупность представлений о мироустройстве, так и на морально-этические и ценностные основания, составляющие основу социальных действий и взаимодействий индивидов и групп.

Кроме того, априори, в любом социуме коллективный образ будущего

выполняет целый ряд важнейших социально-психологических функций. В условиях относительной стабильности, то есть в наше время это в период с середины 2000-х и до начала 2020-х гг., образ будущего обеспечивал групповую идентификацию и поддерживал преемственность развития, легитимировал сложившиеся социальные нормы и отношения, характер и вектор их изменений [8]. На современном этапе особое значение приобретают иные социально-психологические функции образа будущего: целеполагания, эсхатологического нарратива, латентных оснований социального доверия в системе отношений власть – общество, принятия и адаптации к изменениям, как на индивидуально-бытовом, так и на социально-групповом уровне.

Образ будущего, понимаемый не как индивидуальные представления о ближайшей, на 2 – 3 года перспективе, а как общественное мнение о долгосрочном будущем страны и её социально-экономическом и общественно-политическом устройстве в целом, играет ключевую защитную роль, поддерживая позитивные социальные настроения. В ситуации отсутствия господствующего нарратива социально-экономического и общественно-политического развития, прогнозирование будущего, характерное для периодов стабильного развития, уступает место самореализующимся «пророчествам», опирающимся на общественное мнение. В этот период публично сделанные и поддержанные общественным мнением предсказания будущего достаточно легко и быстро становятся неотъемлемой частью самой ситуации неопределенности и оказывают влияние на дальнейшее развитие событий, то есть реальное будущее. Этот процесс, достаточно подробно описанный в социологии (У. Томас, Р. Мертон и др.), в условиях информационного общества многократно усилен новыми социально-коммуникативными технологиями

и методиками работы с общественным сознанием. Как результат, одной из ключевых характеристик современного социума оказывается одновременное сосуществование различных, в большинстве трудновосместимых, образов будущего и все возрастающая конкуренция между ними. Борьба за социальное воображение населения осуществляется с использованием всех доступных материальных и технологических ресурсов методами, получившими название информационных, гибридных или когнитивных войн. Это явление оказалось столь массовым, что в ряде работ западных исследователей привело к выводу о формировании рынков образов будущего [9].

Целый ряд зарубежных и отечественных авторов в своих социологических и культурологических исследованиях рассматривают образ будущего частью коллективного воображения, опирающегося, как целое, в том числе и на коллективную память. В свою очередь, коллективная память в качестве обязательного элемента, включает то, что принято называть историческими травмами прошлого [10]. Фактически, в данном контексте, образ будущего рассматривается как важнейший компонент социального отношения к времени, то есть отношения социума к своему прошлому, настоящему и будущему. Такой подход к рассмотрению проблемы образа будущего в современном российском социуме делает методологически обязательным изучение общественного мнения о ближайшем историческом прошлом, и в частности единого для всего постсоветского пространства государства, носившего имя СССР.

Советская эпоха является ключевой для понимания современных особенностей исторического развития Российской Федерации в XXI веке. Вне зависимости от политических и идеологических взглядов и установок, господствующих среди представителей

различных социально-демографических, экономических и иных групп населения, современное российское общество является постсоветским, и будет оставаться таковым как минимум ещё одно поколение, то есть ближайшие 20 лет. Именно историческая и социальная память и их воспроизводство в общественном мнении в значительной мере сегодня определяют отношение населения к различным социально-экономическим и общественно-политическим практикам, как в России, так и в соседних государствах. Кроме того, развитие внешнеполитических событий первой половины 2022 года окончательно сместило проблему отношения к СССР и его наследию из теоретико-исторической и идеологической сферы дискурса в область практической политики и прямого информационно-идеологического противостояния.

Последующие 20 лет окажутся последним историческим периодом, когда отношение к СССР и восприятие его наследия и традиций в общественном мнении будут опираться одновременно и на информационную составляющую, и на индивидуальный практический опыт постепенно сокращающейся части населения. В 2022 году к 50-летию юбилею подошло поколение, которому исполнилось 18 лет в момент распада СССР. Фактически, это последнее советское поколение, в своих воспоминаниях апеллирующее к личному опыту сознательной жизни в СССР и своими глазами наблюдавшее основные этапы его разложения и распада с начала 80-х и до середины 90-х гг. XX века. Это поколение сохранило воспоминания отнюдь не о самом славном периоде советской истории, в значительной части принимало активное участие в изменении социального строя в России и других странах постсоветского пространства, и в большинстве своем, являлось носителем не позднесоветской идеологии, а противоположным

ей ценностей. Одновременно, на уровне культурно-историческом, оставаясь последним поколением – носителем индивидуальной памяти об СССР, получившим полное советское образование, прошедшим систему советского воспитания, социализацию, обязательную военную службу и т.д.

Статья опирается на материалы социологического исследования, проведенного сотрудниками АНО «Научно-исследовательский Институт проблем социального управления» 26–28 апреля 2022 года на территории Нижегородской области. Выборка – 2014 респондентов, комбинированная, общеобластная, районированная, пропорциональная по полу и возрасту (лица старше 18 лет). Метод сбора данных – опрос по месту жительства респондентов. Доверительная вероятность 97%, доверительный интервал $\pm 3,2\%$. Доля немотивированных отказов отвечать на вопросы – 17%. Результаты данного исследования дают картину общественных представлений об СССР среди жителей Нижегородской области и, в том числе тех, что сегодня служат основой формирования образа будущего для значительной части населения.

Образ будущего Российской Федерации, в том числе и как некоторого аналога социалистического СССР, широко обсуждается в СМИ, особенно в последнее время. Логика формулировки вопроса в исследовании состояла в том, что респондентам предлагалось допустить возможность возрождения не только аналога СССР как единого государства, но и присущей ему общественно-политической и социально-экономической системы общественных отношений. Мнения участников исследования по данному вопросу распределились достаточно равномерно (рис. 1). Так, практически треть респондентов (29,1%) затруднилась ответить на вопрос. Исходя из формулировок вариантов ответа, мож-

но предположить, что данная часть населения не нашла среди них приемлемого для себя образа будущего страны. Советское и социалистическое будущее отрицает в сумме также треть населения: 21,4% считает невозможным возврат ни к СССР, ни к социализму, а ещё 10,7% видит идеал скорее в до-революционном имперском прошлом.

В той или иной временной перспективе восстановление СССР считает вероятным и допустимым 38,8% участников опроса, то есть относительное большинство участников опроса. Однако, и это имеет большое значение, твердо убеждено в необходимости подобного развития событий, только 2,6% от общего числа опрошенных нижегородцев. Большинство респондентов данной группы (25,6%) считает подобный путь развития весьма отдаленной перспективой.

Не имеет устойчивых представлений о будущем страны большинство молодежи до 35 лет – 44,4% затруднились ответить на вопрос. При этом среди респондентов в возрасте до 25 лет таковых более половины – 53,5%. В этой же возрастной группе относительное большинство тех, кто считает такое будущее невозможным (24,8%).

Интересно, что доля респондентов, допускающих возможность возврата к СССР и социализму, больше всего среди участников опроса среднего возраста (группе от 36 до 55 лет), где она достигает 49,8% (табл. 1).

Среди представителей старшего поколения, имеющих реальный опыт жизни в СССР и социалистической системе, наименьшее число респондентов, считающих невозможной подобную реинкарнацию (17,4%). В ответах именно этой группы хорошо заметны последствия пережитой этим поколением, уже в сознательном возрасте и при сформировавшихся ценностных установках, исторической драмы распада СССР и его социально-экономической и общественно-политической системы.

Интересно отметить и то, что имперский образ будущего России имеет примерно равную, но не слишком значительную долю сторонников во всех возрастных группах участников исследования, при этом самую высокую концентрацию имеет в группе от 26 до 35 лет (15%). Особенность имперского образа – представления о сильном, внешне и внутренне, государстве. Представляется не случайным, что

Рис. 1. «Считаете ли вы возможным восстановление СССР и социалистической системы?»
(в % от числа опрошенных респондентов)

Источник: АНО «Научно-исследовательский Институт проблем социального управления» (г. Нижний Новгород) и Приволжский филиал ФНИСЦ РАН.

этот образ оказался привлекателен для поколения, формирование ценностной базы которого пришлось на эпоху 90-х – начала 2000-х гг., то есть период максимальной слабости современного российского государства.

Парадоксально, но большинство тех, кто допускает вероятность восстановления социалистической системы и СССР, оказались жителями областного центра – в сумме 53,1% (табл. 2). Для жителей районов области в большей мере свойственна неопределенность

в этом вопросе (36,2%) или уверенность в невозможности восстановления социализма и единого государства (24,4%).

Большинство, как сторонников, так и вообще допускающих восстановление СССР и социализма респондентов – среди лиц со средним специальным образованием (табл. 3). Людям с высшим образованием чаще свойственно либо отрицать подобную перспективу (24,8%). Однако важнейшей характеристикой данной социальной группы

Таблица 1

«Считаете ли вы возможным восстановление СССР и социалистической системы?»
(в % от числа опрошенных респондентов в группах)

Варианты ответов	Молодежь (18–35 лет)	Средний возраст (36–55 лет)	Старшее поколение (более 55 лет)
Да, считаю необходимым	0,9	1,4	5,6
Да, считаю вполне реальным в ближайшем будущем	6,0	15,3	9,9
Да, считаю возможным в отдаленной перспективе	12,7	33,1	29,8
Нет, восстанавливать будут Империю	11,3	10,9	9,9
Нет, считаю это невозможным	24,8	21,9	17,4
Затруднились ответить	44,4	17,5	27,3

Таблица 2

«Считаете ли вы возможным восстановление СССР и социалистической системы?»
(в % от числа опрошенных респондентов в группах)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Нижний Новгород	Районы области
Да, считаю необходимым	2,6	2,6	5,5	0,7
Да, считаю вполне реальным в ближайшем будущем	12,6	8,9	13,7	8,6
Да, считаю возможным в отдаленной перспективе	22,0	28,6	33,9	20,0
Нет, восстанавливать будут Империю	11,2	10,3	11,7	10,1
Нет, считаю это невозможным	22,7	20,3	16,7	24,4
Затруднились ответить	28,9	29,4	18,5	36,2

Таблица 3

**«Считаете ли вы возможным восстановление СССР
и социалистической системы?»**

(в % от числа опрошенных респондентов в группах)

Варианты ответов	Высшее обр.	Среднее специаль- ное обр.	Среднее (школа) и студенты
Да, считаю необходимым	2,0	3,4	2,2
Да, считаю вполне реальным в ближайшем будущем	8,4	12,9	10,4
Да, считаю возможным в отдаленной перспективе	19,8	33,0	21,5
Нет, восстанавливать будут Империю	11,7	6,5	18,3
Нет, считаю это невозможным	24,8	18,1	21,0
<i>Затруднились ответить</i>	<i>33,3</i>	<i>26,1</i>	<i>26,7</i>

следует считать высоким уровень неопределенности в отношении будущего, по крайней мере, в предложенном варианте – треть респондентов с высшим образованием затруднилась ответить на вопрос (33,3%).

Основная масса сторонников имперского пути, то есть фактического восстановления части присущих СССР общепризнанных характеристик, но без социализма, – это выпускники 11-летней школы и студенты (18,3%). С учетом того, что в данной социальной группе, объединяющей в основном молодежь, 34,1% считает вероятным в будущем восстановление СССР, база сторонников современного внешнеполитического курса страны оказывается не только широкой относительно населения в целом, но и достаточно разнообразной по возрасту, опирающейся на значительную часть молодежи.

Согласно параметрам исследования, представители высшего среднего класса, то есть хорошо обеспеченные, составляют 8,7% от общего числа опрошенных респондентов. Нижегородцы, самоидентифицировавшие себя по уровню материальной обеспеченности и благополучия (доходам, имуществу и возможностям) как представители типичного, окружающего их

в социальной реальности, большинства – 63,1%, фактически позиционировали себя как средний класс. К группе малообеспеченных респондентов были отнесены те, кто «испытывает значительные трудности» (20,3%), считают свое положение значительно более плохим, чем у окружающих (7,5%), а также те нижегородцы, кто откровенно признал свою бедность (0,4%). Таким образом, группа малообеспеченных суммарно составляет 28,2% от общего числа участников опроса, но весьма разнородна по своему составу: от представителей низшего среднего класса до откровенно люмпенизированных слоев населения.

Неуверенность в будущем и неопределенность его образа – важная характеристика значительной части среднего класса (36,4%) и наиболее обеспеченных участников опроса (30,7%) (табл. 4). В результате, именно среди малообеспеченных респондентов оказались выше доли всех остальных точек зрения.

Важно отметить, что среди наиболее обеспеченных респондентов полностью отсутствуют те, кто считает восстановление социализма необходимым. И одновременно достаточно высока доля тех, кто видит вероят-

ность восстановления не только СССР, но и социалистической общественно-экономической системы. Ответы на вопрос не дают однозначного понимания того, в какой мере подобный образ будущего страны вызывает у самых обеспеченных слоев населения поддержку или, наоборот, социальные страхи и опасения.

Российский средний класс является крайне неоднородным в отношении своего образа будущего, либо видит его иначе, чем предложено в ответах. Во-первых, в силу наибольшего среди всех групп числа затруднившихся ответить на вопрос – 36,4%, то есть более трети группы. Во-вторых, наименьшей

доли респондентов, выбравших категорический ответ, утверждающий необходимость возрождения либо СССР, либо империи – в сумме только 11,1% респондентов данной группы.

Подтверждением вывода о широкой социальной поддержке не только восстановления СССР, но и присущей ему системы социально-экономических и общественно-политических отношений, свидетельствуют ответы жителей Нижегородской области на вопрос «О чем вы, прежде всего, сожалеете, когда говорят о распаде СССР?». Данный вопрос допускал возможность выбора нескольких вариантов ответа, поэтому сумма более 100% (рис. 2).

Таблица 4

«Считаете ли вы возможным восстановление СССР и социалистической системы?»
(в % от числа опрошенных респондентов в группах)

Варианты ответов	Высший средний класс	Средний класс	Малообеспеченные
Да, считаю необходимым	0,0	2,2	3,5
Да, считаю вполне реальным в ближайшем будущем	8,0	9,4	13,7
Да, считаю возможным в отдаленной перспективе	33,0	21,8	35,2
Нет, восстанавливать будут Империю	13,6	8,9	15,5
Нет, считаю это невозможным	14,8	21,3	21,5
Затруднились ответить	30,7	36,4	10,6

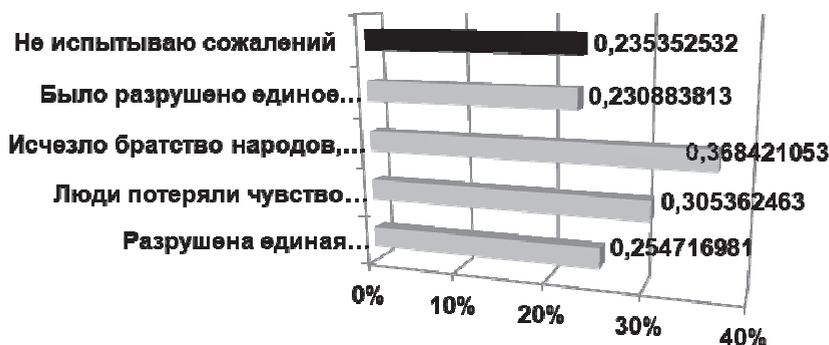

Рис. 2. «О чем вы, прежде всего, сожалеете, когда говорят о распаде СССР?»
(в % от числа опрошенных респондентов)

Источник: АНО «Научно-исследовательский Институт проблем социального управления» (г. Нижний Новгород) и Приволжский филиал ФНИСЦ РАН.

Только 23,5% от общего числа опрошенных нижегородцев категорически заявили, что не испытывают сожалений, вспоминая СССР. Достаточно легко объяснима и наиболее распространенная точка зрения, когда основные сожаления у респондентов связаны с исчезновением «братства народов», интернационализма и ростом взаимного недоверия на национальной почве (36,3%). Исследование проводилось в период проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине, что не могло не оказать влияния на позицию респондентов. Однако, в рамках данной статьи, наибольший интерес представляет отношение к пунктам, в определенной мере отвечающим на вопрос об образе будущего, и служащим исторической основой таких представлений. Так, четверть участников опроса (25,5%) сегодня сожалеет о разрушении единой социалистической хозяйственно-экономической системы. Почти треть (30,5%) респондентов продолжает испытывать ностальгию по чувству принадлежности к великой державе.

Ответы на данный вопрос показали то, насколько важную роль играют личностные воспоминания, переживания и опыт в формировании образа будущего. Так, среди респондентов до 35 лет, не имеющих личных воспоминаний и опирающихся исключительно на исторические аллюзии, большинство продемонстрировало отсутствие сожалений об СССР – 63,3%. При этом в группе молодежи до 25 лет доля возрастает до 71,7%.

Уровень сожалений о конкретных чертах жизни в СССР среди малообеспеченных респондентов оказался в 2–3 раза выше, чем среди хорошо обеспеченных участников опроса (табл. 5). Если среди малообеспеченных не испытывает сожалений лишь 6% респондентов группы, то среди представителей среднего класса уже почти треть (30,4%), а среди высшего

среднего класса практически половина (47,7%). Важно отметить и тот факт, что доля респондентов, сожалеющих о разрушении социалистической системы, среди представителей среднего класса (24,1%) оказалась лишь немногим ниже, чем среди малообеспеченных участников опроса (28,9%).

Феномен образа будущего, понимаемый как локально и индивидуально, так и в рамках макросоциальных процессов и групп, может претендовать на место одного из центральных понятий в социологии и социальной психологии. В современном информационном обществе, и это одна из важнейших характеристик данного типа социума, образ будущего выступает одним из главных регуляторов процессов жизнедеятельности не только отдельных личностей, но и шире, больших социальных групп и слоев населения.

Выводы

В свое время целый ряд социальных философов (Д. Белл, Ж.–Ф. Лиотар, Э. Тоффлер), описывая будущее информационное общество, в качестве одной из его ключевых характеристик выводили неопределенность и не прогнозируемость будущих состояний, высокую стохастическую изменчивость. Материалы социологических исследований показывают, что механизмы формирования образа будущего в макросоциальных масштабах работают иначе. Образ будущего формируется не столько за счет прогнозов и планов, сколько выступает результатом коллективной оценки и рефлексии собственного прошлого. В качестве инструмента формирования видения коллективного будущего необходим общий, понятный для всех представителей макросоциальной группы язык описания и категорий, набор образов и символов, источником которых может служить только коллективная историческая память.

Современный российский социум по праву носит звание постсоветского

общества. Образ будущего, сформировавшийся сегодня у, как минимум, трети населения страны, несет в себе черты советских представлений, морально-этических норм и ценностных установок, символов и категорий, заимствованных из автобиографической памяти поколения, имевшего советское прошлое. Как сторонникам, так и противникам, имманентно присущ единый язык описания и сравнения, базирующийся на данной исторической основе. Как это ни парадоксально, именно это можно считать важнейшей основой, благодаря которой возможно социальное развитие и постепенное сближение различных образов будущего в процессе оформления его контуров.

С этой точки зрения, наличие подобной общей советско-социалистической

коллективной памяти и значительной, составляющей около половины населения страны, макросоциальной группы её носителей, служит важнейшим фактором единства страны. Центр и регионы объединяет не только и не столько общий хозяйственно-экономический контур и государственно-политическая система, сколько общее психолого-историческое пространство и единая базовая память о будущем, формирующая образы будущего на региональном уровне как части единого целого. То, что ещё недавно в научной и публицистической литературе представлялось в качестве тормоза развития и прогресса, оказывается в роли важнейшего элемента, вне существования которого прогресс и развитие страны невозможны.

Список литературы / References

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с

Fukuyama F. The end of history and the last man / Francis Fukuyama; translated from the English by M.B. Levin. M.: AST, 2007. 588 p. (In Russ.)

2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. М.: Мысль, 1994. 592 с.

Kant I. Critique of pure reason / trans. from German. M.: Thought, 1994. 592 p. (In Russ.)

Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал / под общ. ред. Я.В. Дидковской, Д.В. Трынова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. 215 с.

3. Youth of industrial regions of Russia: the image of the social future and innovative potential / under the general editorship of Ya.V. Didkovskaya, D.V. Trynova. Yekaterinburg: Ural University Press, 2018. 215 p. (In Russ.)

4. Самсонов А.И. В России каждый может стать Юпитером, или Своя рубашка ближе к телу. *СоциоДиггер*. 2021;(2(10(15))):83-87.

Samsonov A.I. In Russia, everyone can become Jupiter, or His shirt is closer to the body. *SocioDigger*. 2021;(2(10(15))):83-87. (In Russ.)

5. Труфанов А.Ю., Самсонов А.И. Смысловое содержание понятия справедливость в современном российском социуме // Анализ миграционных процессов и их социальная составляющая в субъектах Российской Федерации: сборник статей / Отв. ред. С. В. Устинкин, А. Ю. Труфанов; ФНИСЦ РАН. – М.; Н. Новгород ; Ростов-на-Дону: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 34-44.

Trufanov A.Yu., Samsonov A.I. Semantic content of the concept of justice in modern Russian society // Analysis of migration processes and their social component in the subjects of the Russian Federation: collection of articles / Ed. S. V. Ustinkin, A. Yu. Trufanov; FNISTC RAS. – M.; N. Novgorod; Rostov-on-Don: FNISTC RAS, 2021. pp. 34-44. (In Russ.)

6. Баимбетов А.А., Кабакович Г.А., Насибуллин Р.Т., Хайруллин Ф.Г. Молодежь в кризисном социуме / Под ред. Р.Т. Насибуллина. М.: Издательство ИС РАН, 1998. 105 с.

Baimbetov A.A., Kabakovich G.A., Nasibullin R.T., Khairullin F.G. Youth in a crisis society / Edited by R.T. Nasibullin. M.: Publishing House of IS RAS, 1998. 105 p. (In Russ.)

7. Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка. *Вопросы экономики*. 2020;(7):75-91.

Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. Socio-cultural factors in the economy: past milestones and current agenda. *Economic issues*. 2020;(7):75-91. (In Russ.)

8. Нестик Т.А. Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // *Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / под ред. А.Г. Асмолова*. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 213–225.

Nestik T.A. Call center administration in order to increase efficiency // *Mobility in mobile: personality in the future / edited by A.G. Asmolov*. M.: Publishing House YASK, 2018. pp. 213-225. (In Russ.)

9. Cook J., Cuervo H. Agency, Futurity, and Representation: Conceptualising Hope in Recent Sociological Work. *The Sociological Review*. 2019. Vol. 67. No. 5. P. 1102–1117.

10. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. 352 с.

Toshchenko J.T. Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis). Moscow: Publishing house "The Whole World", 2020. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Лубяной Максим Сергеевич, кандидат философских наук, директор Научно-исследовательского Института проблем социального управления
E-mail: LMS@ipsoc.ru

Самсонов Андрей Иванович, научный сотрудник Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
E-mail: cipt@mail.ru

Фоменков Артём Александрович, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
E-mail: artjom2310@inbox.ru

Information about authors

Lubyanoy Maxim Sergeevich, Candidate of Philosophical Sciences, Director of the Institute of Social Management Problems
E-mail: LMS@ipsoc.ru

Samsonov Andrey Ivanovich, Researcher at the Volga branch of the federal center of theoretical and applied sociology of the Russian academy of sciences (fctas ras)
E-mail: cipt@mail.ru

Fomenkov Artjom Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Political Communications of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Senior Researcher of the International Interdisciplinary Research Laboratory "Study of World and Regional Socio-political processes" of the Linguistics University of Nizhny Novgorod
E-mail: artjom2310@inbox.ru

Поступила в редакцию 8.10.2023; поступила после доработки 15.10.2023; принята к публикации 23.10.2023

Received 9.10.2023; Revised 15.10.2023; Accepted 23.10.2023

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.42–47>.

**Цифровая социализация российской молодежи:
соотношение реальных и виртуальных
коммуникационных практик**

Максимова О.А., Нагматуллина Л.К.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18 корп. 1, Российская Федерация,
Казанский национальный исследовательский технический университет
им. А.Н. Туполева-КАИ, 420111, Казань, ул. К. Маркса, д.10, Российская Федерация*

Аннотация. Представлены результаты исследования, проведенного в форме массового онлайн-опроса российской молодежи в 2022 г. Описаны аспекты цифровой социализации в соотношении виртуального и реального взаимодействия. Представлено распределение мнений молодых респондентов о роли цифровых технологий в их жизни и о том, насколько данные технологии способны заменить факторы реального, «живого» общения. Авторы приходят к выводу, что молодежь готова осуществлять активное взаимодействие в двух пространствах – цифровом и реальном, что позволяет рассматривать модель социализации, тесно объединяющую их как наиболее приемлемую в настоящее время.

Ключевые слова: цифровая социализация, коммуникация, молодежь

Благодарности: статья выполнена в рамках проекта № FZSM-2023-0022, за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету в рамках государственного задания.

Для цитирования: Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Цифровая социализация российской молодежи: соотношение реальных и виртуальных коммуникационных практик. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;5 (62):42–47. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.42–47>.

Digitalization of education: trends and problems in the university environment (on the materials of empirical research in Kazan federal university)

Maximova O.A., Nagmatullina L.K.

Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya St., Bldg. 1,
Kazan, 420008, Russian Federation.

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev.
A.N. Tupolev-KAI, 10 K. Marx St., Kazan, 420111, Russian Federation

Abstract. The results of the research conducted in the form of a mass online survey of Russian youth in 2022 are presented. The aspects of digital socialization in the ratio of virtual and real interaction are described. The distribution of opinions of young respondents about the role of digital technologies in their lives and the extent to which these technologies can replace the factors of real, "live" communication is presented. The authors conclude that young people are ready to actively interact in two spaces – digital and real, which allows us to consider the model of socialization that closely unites them as the most acceptable at present.

Keywords: digital socialization, communication, youth

Acknowledgements: The article was implemented due to the grant allocated to Kazan Federal University for the implementation of the project N^oFZSM-2023-0022

For citation: Maximova O.A., Nagmatullina L.K. Digitalization of education: trends and problems in the university environment (on the materials of empirical research in Kazan federal university). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(5(62)):42–47 (In Russ.)

Введение

В настоящее время отечественная социумная среда, находящаяся под воздействием масштабной цифровизации и глобальных системных изменений, обусловленных интенсивными технологическими и геополитическими процессами, определяет содержательные изменения и новые специфические черты процесса социализации молодых поколений.

«Молодежь не является саморазвивающейся системой, ее жизнь обусловлена существующими социально-экономическими и политическими условиями» [1]. Поэтому изучение ее социализации всегда находится в поле зрения социологической науки и признается носящим вневременной характер. Неизменно актуальной оста-

ется эта проблематика и в контексте рассмотрения ее цифрового аспекта, позволяющего сконцентрировать внимание исследователей на такой форме социализации молодежи, которая в современных условиях информационного общества получила у исследователей ряд названий, близких по своему смысловому значению – «цифровая социализация», «интернет-социализация», «информационная социализация» или «киберсоциализация».

С увеличением скорости освоения молодыми поколениями интернет-среды, все более ощутимо стало и ее усиливающееся социализирующее влияние на молодежь. В условиях изменения основ и моделей социализации под воздействием новых цифровых технологий, когда «интернет-пространство

не дополняет привычную молодежи с детства социальную реальность, а изначально становится одной из фундаментальных основ этой реальности» [2], демонстрируя как положительные, так и отрицательные стороны влияния на молодежь, необходим регулярный, всесторонний анализ этого сложного процесса. Этим обстоятельством было продиктовано обращение авторов статьи к изучению данной проблематики и определение целью исследования выявление новых тенденций и трендов, формируемых и прослеживаемых в процессе социализации молодых поколений, проходящей под влиянием цифровой среды.

Методы

Информационную базу исследования составили материалы проведенного в 2022 г. группой российских ученых, при участии авторов статьи, репрезентативного социологического опроса российской молодежи.

Характеристики респондентов – представителей исследуемой социально-демографической группы выглядят следующим образом: студенческая молодежь, обучающаяся в школах, колледжах и вузах, в возрасте от 16 до 22 лет, мужчин – 37,6%, женщин – 62,4%. Объем выборочной совокупности составил 1100 чел.

Результаты и обсуждение

Цифровая социализация продолжает идти в направлении усиления влияния стремительно развивающихся информационных технологий на процесс усвоения новыми поколениями норм, ценностей и образцов поведения. Две среды – реальная и виртуальная, безусловно, в равной степени должны оказывать влияние на процесс социализации молодых поколений, однако в современных условиях информационного общества это воздействие на молодежь, которая с каждым новым

поколением демонстрирует более активное прохождение даже первичной социализации в интернет-среде, нежели под воздействием института семьи [3], не всегда может рассматриваться как равнозначное, а зачастую больше смещающееся в сторону признания за диджитал-миром приоритета, его неограниченной самостоятельности в формировании норм и ценностей, присущих современному обществу [4]. Глубина погруженности в цифровое пространство сказалась на социальном облике молодых поколений.

В современных условиях представители молодежи в разной степени ощущают зависимость от интернета, неодинаково осознают последствия того, насколько поменяется их привычная жизнь в случае, если интернет исчезнет. Например, если для 34% группы 18-24 летних респондентов как неизбежным представлялся факт полного изменения жизни и даже искреннее непонимание ими того, как они будут выполнять повседневные действия без интернета, то в группе 25-34 летних такое мнение свойственно лишь для 19% опрошенных. Считают, что исчезновение интернета существенно изменит их жизнь, но они смогут приспособиться 41% и 45% респондентов (в возрастных группах 18-24 летних и 25-34 летних соответственно). При этом, для группы от 18 до 24 лет (22%) свойственно испытывать негативные ощущения, подавленность, тревожность в то время, когда они оказываются на долгий срок без интернета, среди информантов от 25 до 35 лет с подобными ощущениями сталкивались лишь 9%, а вот позитивные ощущения, радость, расслабленность при отсутствии интернета в равной степени одинаково (по 7% опрошенных соответственно) испытывали в обеих двух возрастных группах.

Обращает на себя внимание тот факт, что категория молодежи от 25 до 34 лет в большей мере осознавала от-

сутствие катастрофичности в случае отключения интернета – только 19% в сравнении с 34% в более младшей возрастной группе, и в меньшей степени была подвержена негативным ощущениям, подавленности и тревожности в случае, когда на долгий срок оказывалась без интернета (9% против 22% в группе 18-24-летних). Эта же группа меньшее количество часов проводила в интернете (41% и 71% соответственно среди проводивших в интернете более 4 часов в день и 45% против 26% пользующихся интернетом менее 4 часов в день). Данное обстоятельство возможно объяснить с позиции большей вовлеченности представителей старшей возрастной группы молодежи в реализацию семейных и профессиональных ролей в пространстве реальных социальных взаимодействий, что неизбежно ведет к уменьшению времени, проводимом в интернете.

Несмотря на все значение цифровой среды в жизни молодых поколений, обнаруживается, что при всем многообразии и разнопорядковости информации, черпаемой молодежью из интернет-пространства новостных сайтов, форумов, блогов, сайтов социальных сетей, разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми, осуществляемые в процессе непосредственного межличностного взаимодействия в реальной социальной среде по обсуждению значимых событий в жизни общества, для них не менее существенны, актуальны, не отвергаемы и также воспринимаются в качестве источника информации. И данный аспект отмечает 52,3% наших респондентов, разрушая стереотипы относительно преимущественного влияния цифровой среды на формирование социального опыта у современных поколений молодежи, очередной раз подтверждая факт «уже давно происходящей конвергенции офлайн- и онлайн-миров» на фоне сформировавшейся повседневной цифровой реальности [5].

Вхождение молодежи в динамичную цифровую среду открыло новые возможности для развития коммуникативного взаимодействия, превратило онлайн-общение в неотъемлемый элемент практики повседневной жизни, определяющий специфику социализации молодых поколений, но не исключив, при этом, взаимодействия в реальном социальном пространстве. С разной периодичностью общаются «вне сети с людьми, с которыми познакомился в интернете», 61,6% опрошенной молодежи, знакомятся с людьми, которые подписаны на аналогичные онлайн-сообщества – 45,2%. Такая позиция респондентов свидетельствует о невозможности обесценивания ими реального социального мира, со свойственными ему специфическими формами и проявлениями, законами и свойствами, перед новой цифровой реальностью, часто воспринимаемой в качестве глобальной абсолютной ценности, а также прогнозируемом в дальнейшем отсутствии проблем с адаптацией в социумной среде.

Выводы

Как показали результаты исследования, молодежь в настоящее время приходит к пониманию того, что нельзя полностью заменить живое, личностно-непосредственное общение онлайн-коммуникациями, что и отмечает в своих высказываниях, указывая на то что, «общение в реальной жизни более ценно» и «приятнее общаться вживую», и содержательно размышляя по вопросам обсуждаемой темы, высказывает эмоционально окрашенные суждения, резюмируя, что утрачено живое общение, онлайн общение – это эрзац живого общения, оно не заменит его. Действительно, имеющаяся в настоящее время возможность реализовывать различные поведенческие практики виртуальной коммуникации и осуществлять активное взаимодей-

ствие в двух пространствах – цифровом и реальном, позволяет рассматривать модель социализации, тесно объединяющую их как наиболее приемлемую на настоящий момент.

Заключение

В целом, можно констатировать, что процесс формирования ценностных установок и стратегий поведения

молодежи, ее решений и действий, происходящий под влиянием множества факторов и оказывающий влияние на все аспекты жизни современного общества, в настоящее время во многом определяется тем, насколько эффективно он проходит и организован в цифровом пространстве социализации.

Список литературы / References

1. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <https://vmo.rgub.ru/files/project-937-2.pdf> (дата обращения 19.04.23).

Youth Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025. – URL: <https://vmo.rgub.ru/files/project-937-2.pdf> (accessed 19.04.23). (In Russ.)

2. Руденкин Д.В., Руденкина А.И. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи: тренды и риски. *Juvenis scientia*. 2019;(1):43-48.

Rudinkin D.V., Rudenkina A.I. Internet in the social reality of modern Russian youth: trends and risks. *Juvenis scientia*. 2019;(1):43-48. (In Russ.)

3. Ларионова И.В., Максимова О.А. Формирование идентичности молодого поколения в контексте влияния информационно-сетевых технологий. *Вестник экономики, права и социологии*. 2017;(4):275-278.

Larionova I.V., Maximova O.A. Formation of the identity of the young generation in

the context of the influence of information and network technologies. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2017;(4):275-278. (In Russ.)

4. Головчин М.А. Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022;(5):237-256.

Golovchin M.A. Manifestations of digital socialization in the youth environment: based on data from a pilot survey of high school students. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022;(5):237-256. (In Russ.)

5. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире. *Социальная психология и общество*. 2018;(9(3)):71-80.

Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social psychology and society*. 2018;(9(3)):71-80. (In Russ.)

Информация об авторах

Максимова Ольга Александровна, канд. социол. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии; Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, кафедра социологии, политологии и менеджмента

E-mail: olga_max@list.ru

Нагматуллина Людмила Константиновна, канд. социол. наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, кафедра социологии, политологии и менеджмента

E-mail: nagmlk@yandex.ru

Information about authors

Maximova Olga Alexandrovna, cand. sociol. sci., Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology; Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev-KAI, Department of Sociology, Politology and Management

E-mail: olga_max@list.ru

Nagmatullina Lyudmila Konstantinovna, cand. sociol. sci., Associate Professor, Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev-KAI, Department of Sociology, Politology and Management

E-mail: nagmlk@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.10.2023; принята к публикации 24.10.2023

Received 11.10.2023; Accepted 24.10.2023

5.4.5 Политическая социология (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.48-54>.

Исследовательское поле демографической безопасности в полиэтническом пространстве нарративов студенческой молодежи

Соловарова Ю.Н.

*Казанский национальный исследовательский технологический университет,
420015, Казань, ул. Карла Маркса, 68, Российская Федерация*

Аннотация. Демографическая ситуация в России характеризуется стойким суженным типом воспроизводства населения, что безусловно актуализирует исследования нарративов по демографической безопасности и предполагает осмысление установок и рисков, связанных с демографическим поведением. Вузы Казани являются хорошей площадкой для изучения демографического поведения студенческой молодежи, где происходит взаимовлияния установок тюркского мира и российского ментального контекста. В статье рассмотрены особенности применения метода фокус-групп в исследовательском поле демографической безопасности, со студентами г. Казани в полиэтнической молодёжной среде. В результате проведения 16 кейсов методом фокус-групп и на основе 50 свободных интервью с ее участниками, которые проводились через 7 дней после каждой фокус-группы, были определены ключевые установки демографического поведения (репродуктивного, самосохранительного, миграционного и matrimониального) студенческой молодежи в полиэтнической среде и образ будущего в нарративах демографической безопасности. Метод фокус-групп представлен как площадка, позволяющая создать определенный «метарассказ», где происходит осознание демографических установок молодых образованных представителей разных этнических групп, степени их совместимости, вырабатывается поиск путей возможного совместного будущего.

Ключевые слова: студенческая молодежь, этнические группы, демографическая безопасность, демографическое поведение, фокус-группы.

Благодарность: Работа в данном исследовательском поле демографической безопасности стала возможна благодаря рекрутингу студентов на фокус-группы преподавателями Казанского (Приволжского) федерального университета и Казанского национального исследовательского технологического университета.

Для цитирования: Соловарова Ю.Н. Исследовательское поле демографической безопасности в полиэтническом пространстве нарративов студенческой молодежи. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;5(62):48–54. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.48-54>.

Research field of demographic security in the multi-ethnic space of narratives of students

Solovarova Yu.N.

*Kazan National Research Technological University 68 Karl Marx Street,
Kazan, 420015, Russian Federation*

Abstract. The demographic situation in Russia is characterized by a persistently narrowed type of population reproduction, which certainly actualizes the study of narratives on demographic security and involves understanding the attitudes and risks associated with demographic behavior. Kazan universities are a good platform for studying the demographic behavior of student youth, where mutual influence of the attitudes of the Turkic world and the Russian mental context occurs. The article discusses the features of using the focus group method in the research field of demographic security, with students of Kazan in a multi-ethnic youth environment. As a result of conducting 16 cases using the focus group method and based on 50 free interviews with its participants, which were conducted 7 days after each focus group, the key attitudes of demographic behavior (reproductive, self-preservation, migration and matrimonial) of student youth in a multi-ethnic environment were identified and the image of the future in demographic security narratives. The focus group method is presented as a platform that makes it possible to create a certain “meta-story”, where the demographic attitudes of young educated representatives of different ethnic groups are realized, the degree of their compatibility, and a search for ways of a possible joint future is developed..

Keywords: student youth, ethnic groups, demographic security, demographic behavior, focus groups.

Acknowledgements: Work in this research field of demographic security has become possible thanks to the recruitment of students to focus groups by teachers of Kazan (Volga Region) Federal University and Kazan National Research Technological University.

For citation: Solovarova Yu.N. Research field of demographic security in the multi-ethnic space of narratives of students. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(5 (62)):48–54 (In Russ.)

Введение

Страны с суженным типом воспроизводства населения сталкиваются с различными демографическими проблемами, связанными с низким уровнем рождаемости, старением и сокращением населения, некоторые имеют отрицательный прирост населения. Демографическая ситуация в России также характеризуется стойким суженным типом воспроизводства населения, что безусловно актуализирует исследования нарративов по демографической

безопасности и предполагает осмысление установок и рисков, связанных с демографическим (репродуктивным, самосохранительным, миграционным и матримониальным) поведением молодого поколения [1, 2, 3, 4].

В научном дискурсе декларируемая бесполезность упования на молодое поколение, удивительным образом сочетается с возложением на него больших надежд по прекращению депопуляционной катастрофы. К тому же отсутствие определенного юридиче-

ского понятийного аппарата в России по демографической безопасности создает проблему потери единого понимания в научно-исследовательском поле, превращая дискуссии по этой проблематике в своеобразную научную эклектику. Е.К. Рудакова характеризует сложившуюся ситуацию как когнитивную угрозу демографическому развитию России: «Данная проблема является недооценённой в науке и праве, в то время как путаница носит далеко не случайный характер, являясь эффективной технологией, размывающей смыслообразующие понятия по вопросам демографического развития» и определяет демографическую безопасность «как состояние защищённости системы естественного замещающего режима воспроизводства населения (демографических структур, поведения, ценностей) от прямых и когнитивных угроз» [2, с.77].

К угрозам, влияющим на режим воспроизводства населения, прежде всего, относится трансформация представлений о семье, браке, половой идентичности, здоровье и смерти, патриотизме [3].

На фоне того, что статистика становится все более закрытой, целесобразно отталкиваться от прикладных социологических исследований, которые приобретают все большую ценность для анализа текущего состояния и для попыток прогнозировать ближайшее будущее.

Прикладные социологические исследования показывают, что исследовательское поле нарративов по демографической безопасности во многом зависит от этнокультурного контекста [4]. В таком контексте демографическую безопасность можно трактовать как развитие и функционирование определенной популяции в ее возрастных, половых и этнических характеристиках, с учетом государственных национальных интересов, заключаю-

щимися в обеспечении его суверенитета, целостности, а также сохранности имеющегося геополитического положения [5, с. 94].

Методы

На первом этапе осуществлялся рекрутинг информантов на фокус-группу по теме «Демографическая безопасность государства» (с помощью преподавателей казанских вузов). Условия отбора: студент вуза, ранее не участвовавший ни в каких фокус-группах и идентифицирующий себя с русской, татарской, туркменской, казахской, узбекской, киргизской и таджикской этническими группами. На втором этапе - проведение фокус-групп по гайду рефлексивного построения (2022-2023 учебный год – 13 кейсов) [6]. В сентябре 2023 учебного года были проведены еще 3 кейса методом фокус-группы с представителями казахских, узбекских и киргизских этнических групп, что дало возможность для сравнительного анализа нарративов. На третьем этапе, сразу после завершения каждой фокус-группы, всем информантам предлагалось участие в свободном интервью, которое проводилось через 7 дней после самой фокус-группы.

Важно отметить, что в Республику Татарстан, в город Казань приезжают на учебу в высшие учебные заведения представители тюркских народов (исключение – таджикская этническая группа), с целью получить российское образование и при этом сохранять свою этническую и конфессиональную идентичность, связанную с традициями ислама (например, представители туркменских, казахских, узбекских и киргизских этнических групп). Инфраструктурная и социокультурная среда Татарстана позволяет легче пройти адаптационный период, связанный с переездом в другую страну таким студентам.

Результаты и обсуждение

Часть результатов двухлетнего исследовательского проекта была представлена на Международной социологической Грушинской конференции в мае 2023 года [6]. В данной работе приведены результаты, которые ранее не были опубликованы, а также новые материалы с учетом последующих исследований и проведенного сравнительного анализа.

Миграционное поведение и связанные с ним установки. Студенты отмечают, что по самоощущению происходит увеличение размера и влияния их этнических диаспор в Казани. Риторика, касающаяся образа будущего, строится вокруг посылы, что мигранты не должны оставаться исключительно низкооплачиваемой рабочей силой, а получив образование и капитал, также имея поддержку внутри этнических диаспор, создавать группы активистов способных продвигать интересы своих родных государств. В миграционном поведении студенческой молодежи всех этнических групп ориентация исключительно на город, они связывают свою жизнь и сейчас, и в будущем только с жизнью в городе: «Город – это залог успеха, получения работы, широких возможностей саморазвития». Важно отметить, что для студентов, не являющихся гражданами России характерна многоэтапная стратегия миграционного поведения, где образование в России лишь один из ее этапов. Студенты, те кто идентифицирует себя с представителями тюркского мира, часто рассматривают Турцию как следующий более привлекательный после России миграционный этап. Возврат домой в целом рассматривается крайне редко, к примеру: «Далеко и сразу из Туркменистана ехать было страшно <...> в России все понятно, здесь есть гарантии...теперь хочу в Турцию попробовать поработать как инженер пищевых производств, образование, думаю, позволит <...> если в Турции не понра-

вится себя в России тоже вижу» (студент 1 курса, туркменская этническая группа, 20.06.2023). Возврат домой в полном составе характерен для представителей лишь казахской этнической группы студентов.

Репродуктивное поведение и образ будущего. Важным фактом является то, что отрефлексировать свое репродуктивное поведение у студенческой молодежи получается только после рефлексии чужого репродуктивного поведения. Можно проследить положительное отношение всех этнических групп (при этом сами они могут озвучивать ориентацию на малодетность) к репродуктивным установкам студентов туркменских и таджикских этнических групп, ориентированных на многодетность. Ориентация студентов на малодетность объясняется в категориях «сначала пожить для себя» (отложенное рождение детей) или «тревожным, а далеко не светлым будущим». Во всех интервью прослеживается четкая взаимосвязь репродуктивных стратегий и образа будущего у студенческой молодежи. К примеру: «Большая часть человечества - это обсуживающий персонал для элиты <...> вы скажете, что всегда так было и ничего <...> может быть, но наши родители и их предки всегда имели позитивный образ будущего, а у нас его нет, у нас его отняли <...> думаю чтобы нам не хотелось размножаться, такая стратегия на вымирание» (студент 2 курса, казахская этническая группа, 13.09.2023).

Матримониальное поведение. В группах идентифицирующих себя с таджикской или туркменской этническими группами преобладает родительский нарратив о браке и семье. Артикулируется образ семьи как образ святости. Посыл «как родители скажут», «как моя семья решит» присутствует в каждом глубинном интервью. Возраст вступления в брак и брачного партнёра выбирают в большинстве случаев с согласия и по совету родителей, семьи в целом.

В группах идентифицирующих себя с русской, татарской, казахской этническими группами преобладает самостоятельный выбор брачной стратегии, характерный для большинства стран с западными ценностями.

Самосохранительное поведение. Поведение, направленное на долголетие, понимание здоровьесохранительных практик, самооценка здоровья – однозначно определялись всеми студентами как база демографической безопасности любой страны. Представители всех этнических групп студенческой молодежи определяли свое здоровье как хорошее или очень хорошее, что позволяет им не задумываться пока о здоровьесохранительных практиках и профилактических мерах. Мотивы пищевого поведения очень слабо коррелируют со здоровьем и долголетием. Цель употребления пищи «*чтобы голод не мешал жить*» (студентка 2 курса, таджикская этническая группа, 13.09.2023). Большая часть продуктов приобретается преимущественно в супермаркетах «Пятерочка», «Магнит», «Чижик», где можно купить продукцию, в том числе Халяль. Национальная кухня только по праздникам. Нормальным и желательным возрастом дожития в таджикской, туркменской, узбекской этнических группах студенческой молодежи считается 85–80 лет. В группах, идентифицирующий себя с русской, татарской, казахской этническими группами молодежь озвучивает цифры не превышающие 75 лет. В общем нарративе по безопасности присутствует ссылка на СМИ, в результате чего называют самой главной проблемой демографической безопасности России высокую смертность, которая воспринимается как неизбежность нынешнего существования и миропорядка, характерного не только для России. Снижается риторика понимающего отношения к стратегиям трансгендерного перехода в подростковом возрасте и возрастает риторика

понимания ответственности «*взрослых за попустительское отношение к этому вопросу*» (студентка 2 курса, русская этническая группа, 13.09.2023), за вредоносные стратегии «*промывания мозгов детям на которые никто не обращает внимания*» (студентка 2 курса, татарская этническая группа, 13.09.2023). В студенческих нарративах отмечаются опасности трансгендерного перехода, его влияние на репродуктивное здоровье, качество и продолжительность жизни.

Если проводить сравнение результатов сентября 2023 года с фокус-группами, проведенными в 2022 году и в начале 2023 года, то можно отметить что увеличивается риторика понимания демографического развития России в связи и в контексте национальной безопасности, причем представителями всех этнических групп студенческой молодежи. Прослеживается нарратив демографического патриотизма, который заключается в осознании сохранения и увеличения численности своей этнической группы.

В качестве самых актуальных плюсов в пользу повышения численности населения России студенты отмечают необходимость экономического развития и защиту государственных территорий. Среди путей обеспечения демографической безопасности отмечают рост рождаемости (где важные меры государственной поддержки – материнский капитал, родовой сертификат, льготы многодетным семьям) и привлечение мигрантов.

Заключение

Прикладные социологические исследования в исследовательском поле демографической безопасности целесообразно осуществлять через призму специфики и видов демографического поведения. Вузы Татарстана в целом и вузы Казани в частности являются хорошей площадкой для изучения де-

мографического поведения студенческой молодежи, где происходит взаимовлияния установок тюркского мира и российского ментального контекста. В условиях растущих демографических угроз России и необходимости поиска возможных эффективных путей из депопуляционного кризиса конструирования образа будущего в полиэтни-

ческих фокус-группах имеет несколько значимых результатов: проявляется степень совместимости демографических установок молодых образованных представителей разных этнических групп; осуществляется взаимовлияние и лучшее понимание друг друга; вырабатывается поиск пути возможного совместного будущего.

Список литературы / References

1. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2021 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с.

Demographic health of Russian regions. National demographic report 2021 / T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova [etc.]; resp. ed. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova; FNISC RAS. – М.: FNISC RAS, 2021. 138 p.

2. Рудакова, Е. К. Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: дис. доктор полит. наук: специальность 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные исследования. – ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». 2023. 840 с.

Rudakova, E. K. Ensuring Russia's demographic security in the context of cognitive threats: dis. doctor polit. Sciences: specialty 5.5.4. – International relations, global and regional studies. - Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky." 2023. 840 p.

3. Ростовская Т.К., Васильева Е.Н., Князькова Е.А. Теоретическая интерпретация понятия «демографическая безопасность» и принятие управленческих решений по обеспечению национальной безопасности. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки.* 2022;(15(4)):158–170.

Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N., Knyazkova E.A. Theoretical interpretation

of the concept of "demographic security" and management decision-making to ensure national security. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences.* 2022;(15(4)):158–170.

4. Соловарова, Ю.Н. Проблематика демографической безопасности в контексте цифровизации жизненного пространства современной студенческой молодежи (на примере российских и иностранных студентов КНИТУ). *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2023;(3):94–99.

Solovarova, Yu.N. Problems of demographic security in the context of digitalization of the living space of modern student youth (on the example of Russian and foreign students of KNRTU). *Kazan Social and Humanitarian Bulletin.* 2023;(3):94–99.

5. Безменов С. А., Михайловская С. А. Демографическая безопасность как фактор развития национальной безопасности. *Роль инноваций в трансформации современной науки. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции.* 2018;93–96.

Bezmenov S. A., Mikhailovskaya S. A. Demographic security as a factor in the development of national security. *The role of innovation in the transformation of modern science. Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference.* 2018; 93–96.

6. Соловарова, Ю.Н. Метод фокус-группы в исследовательском поле демографической безопасности как способ продвижения многодетности в полиэтнической студенческой среде. *Матери-*

алы XIII Международной социологической Грушинской конференции «Переустройство мира: исследования в новой реальности», 25-27 мая 2023 г. М.: ВЦИОМ, 2023. С. 16-19.

Solovarova, Yu.N. Focus group method in the research field of demographic security

as a way to promote large families in a multiethnic student environment. *Materials of the XIII International Sociological Grushin Conference "Rebuilding the World: Research in the New Reality"*, May 25-27, 2023 – M.: VTsIOM, 2023. pp. 16-19.

Информация об авторе

Соловарова Юлия Николаевна, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Институт управления инновациями, кафедры «Государственного управления, истории и социологии»

E-mail: solovarova1@mail.ru

Information about author

Solovarova Yulia Nikolaevna, Associate Professor, Kazan National Research Technological University, Institute of Innovation Management, Department of Public Administration, History and Sociology

E-mail: solovarova1@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2023; принята к публикации 23.10.2023

Received 10.10.2023; Accepted 23.10.2023

5.4.4. - Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.55-61>.

**Самоохранительное поведение детей
старшего дошкольного возраста:
тенденции формирования в современных условиях**

Токарева Ю.М., Гаврилова И.С.

*Волгоградский государственный медицинский университет,
400066, г. Волгоград, пл. Павших борцов, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Здоровье детей и профилактика распространения различного рода заболеваний является приоритетом любой системы здравоохранения. Самоохранительное поведение формируется через социальные институты: семья, образование, здравоохранение, средства массовой информации. В статье самоохранительное поведение старшего дошкольника представлено такими компонентами, как пищевое поведение, соблюдение гигиенических норм, соблюдение режима активности и отдыха, саморегуляция в сфере здоровья, самоохранительный образ действий и саморазрушительная активность. Был проведен анкетный опрос родителей старших дошкольников. В результате анализа эмпирических данных выявлены следующие тенденции формирования самоохранительного поведения детей старшего дошкольного возраста: регулярность занятий спортом; соблюдение гигиенических правил; низкий уровень знаний детей значимых индивидуальных данных; высокий уровень знаний детей о правилах дорожного движения, недостаточная медицинская активность родителей в отношении здоровья детей.

Ключевые слова: самоохранительное поведение, старший дошкольный возраст, санологическое поведение.

Для цитирования: Токарева Ю.М., Гаврилова И.С. Самоохранительное поведение детей старшего дошкольного возраста: тенденции формирования в современных условиях. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;(5(62)):55-61. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.55-61>.

**Preschool self-preservation behavior:
trends in formation in modernity**

Tokareva Yu. M., Gavrilova I. S.

*Volgograd State Medical University,
400066, Volgograd, Fallen Fighters Square, 1, Russian Federation*

Abstract. Child's health and various disease prevention is of great priority in healthcare system. The formation of self-preserving behavior occurs by

means of social institutions so as: family, education, healthcare, and media. The article presents the self-preserving behavior of preschool children: hygiene standards compliance; health self-regulation; compliance regime of activity and rest; eating behavior; self-preserving behavior and self-destructive activity. The questionnaire survey of preschool children parents was conducted. The analysis result revealed the following empirical data: insufficient family medical activity towards preschool children; sports regularity; hygiene rules compliance; low level of child's knowledge concerning significant individual information; high level of child's knowledge about traffic rules.

Keywords: self-preservation behavior, preschool age, sanological behavior.

For citation: Tokareva Yu. M., Gavrilova I. S. Preschool self-preservation behavior: trends in formation in modernity. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(5(62)):55–61 (In Russ.)

Здоровье дошкольника как комплексная категория формируется следующими компонентами: физическое здоровье, психическое здоровье. Соматические заболевания могут формироваться на фоне низких адаптивных способностей организма к внешней среде, а также через деструктивный образ жизни, что в конечном итоге формирует определенный уровень физической и умственной, работоспособности [1].

В старшем дошкольном возрасте дети начинают отдавать отчет действиям, которым могут являться угрозой для организма [2]. Знания о самосохраняющих и саморазрушающих действиях формируются через социальные институты в процессе социализации.

Данное исследование проводилось с октября по май 2022 года в МОУ «Центр развития ребёнка», г. Волгоград. В качестве метода исследования выбрано анкетирование. В опросе приняли участие родители старших дошкольников. Половозрастная группа респондентов не выделялась.

Инструментарий исследования разрабатывался с учетом следующих компонентов самосохранительного: здоровый образ жизни, регулярность медицинской диспансеризации, вакцинация, безопасное поведение и гигиенические навыки. Очевидно, что вектор поведения детей в отношении

здоровья задается родителями, некоторые компоненты напрямую зависят от убеждений официальных представителей детей.

Физическая культура основополагающий компонент здорового образа жизни детей и взрослых. Чем характерно отношение родителей к занятиям ребенка спортом? 39,67% родителей и 41,32% детей часто занимаются физической культурой (по оценке родителей) (рис.1). Результаты исследования показывают взаимосвязь между физической активностью родителя и ребенка, что неудивительно, т.к. семья выступает основным агентом социализации.

Рациональное питание – это сбалансированное потребление пищи, которое способствует нормальному функционированию организма, профилактике и лечению различных соматических заболеваний. В старшем дошкольном возрасте питание имеет особое значение, т.к. в это период продолжают формироваться внутренние органы. Неправильное питание может неблагоприятно отразиться на нервной системе, что особо нежелательно при переходе от игровой к учебной деятельности.

Результаты опроса показывают, что 90,08% родителей имеют представление о рациональном питании. Однако, контроль потребления вредных

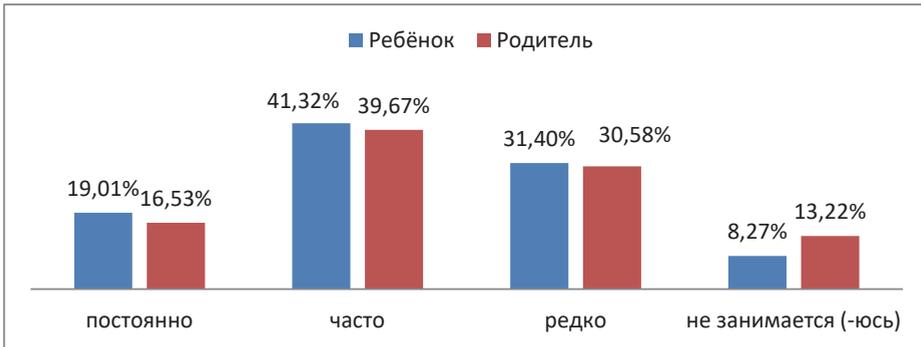

Рисунок 1. Регулярность занятий спортом родителей и их детей

продуктов детьми осуществляют лишь 33,05% респондентов. Данная тенденция свидетельствует об отсутствии санологической компетентности родителей в отношении питания детей. Родители имеют необходимые знания, но навыки по организации рационального питания и контролю отсутствуют.

Организация режима дня старшего дошкольника предполагает контроль чередования сна и бодрствования подразумевает и распределение времени на виды деятельности. Качество восстановления организма обусловлено соблюдением режима дня. Старший дошкольник, как правило, еще не имеет навыка самостоятельной организации режима дня, однако, в период перехода к учебной школьной деятельности

необходимо формировать умение самостоятельно распределить время на различные виды деятельности.

Медицинская активность рассматривалась в исследовании как регулярность профилактической диспансеризации, своевременность обращения к врачу при появлении симптомов заболевания и отношение к вакцинации и иммунизации.

Половина респондентов (56,20%) осуществляют обязательную вакцинацию согласно календарю прививок. Часть респондентов (15%) полагаются на врача и делают прививки по приглашению поликлиники, что также является показателем вакцинации согласно календарю.

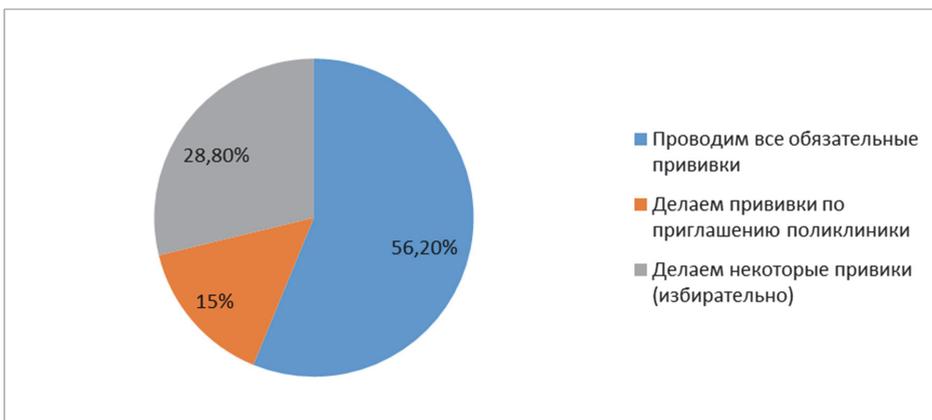

Рисунок 2. Необходимость вакцинации детей (по результатам опроса родителей)

Программа исследования включала анализ здоровьесберегающего поведения как предмета коммуникации родителей и детей. В частности, было выявлено как родители обосновывают необходимость медицинских манипуляций и осмотра врача.

В ходе исследования выяснено каким образом родители объясняют ребёнку необходимость медицинского осмотра или прививки. Больше половины родителей (57,02%) ссылаются на

требование врача, без пояснения необходимости визита в поликлинику.

Однако, родители используют и другие средства мотивации дошкольников, в частности профилактические консультации врача (26,07%), мультипликационные фильмы (23,13%), профилактические занятия в дошкольном учреждении (20,52%) (см. рисунок 4).

Детская поликлиника выступает основным агентом формирования медицинской активности родителей в отношении здоровья детей (87,87%).

Рисунок 3. Мотивация детей к проведению медицинского осмотра

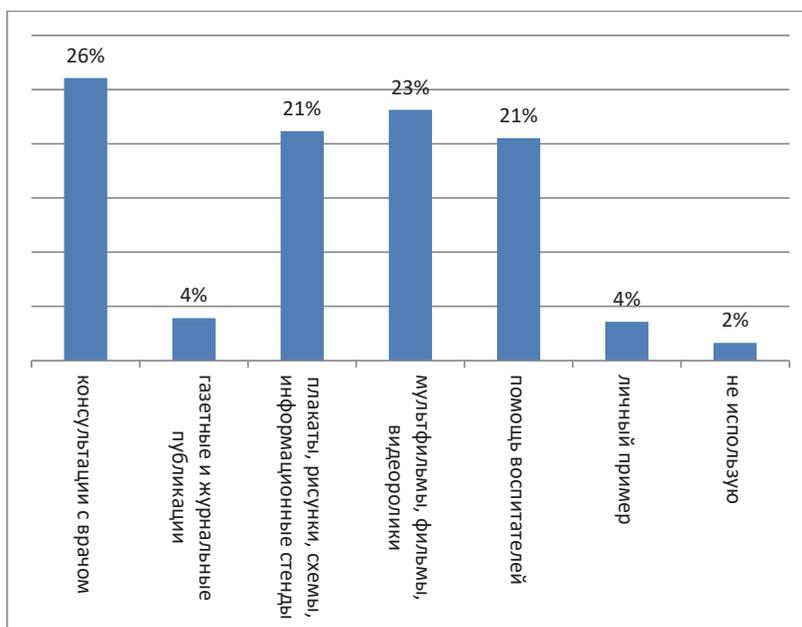

Рисунок 4. Способы формирования медицинской активности ребёнка

Таким образом, анализируя данные первого блока «Медицинская активность», можно сделать вывод – родителям свойственна низкая медицинская грамотность, и, соответственно, активность и недостаточная медицинская культура. Родители не применяют активную позицию в формировании медицинской активности ребёнка.

Структура самоохранительного поведения включает оценку безопасности собственных действий ребёнком. Работа по формированию безопасного поведения должна носить системный характер. Это непрерывный процесс, который берёт начало в ещё раннем возрасте в семье и продолжается в системе дошкольного и школьного образования. В данное определение мы включили такие составляющие как безопасное поведение дома (представления дошкольников о вредных и потенциально опасных предметах, например, острые и режущие предметы, газ, электроприборы и электричество); безопасное поведение на улице (знание основных правил дорожного движения и их соблюдение, знание адреса своего проживания и номера телефона родителей); поведение ребёнка при контактах с незнакомыми людьми (осторожность, осмотрительность в общении с незнакомыми людьми).

Гигиенические навыки (правила гигиены) являются важными средствами физического воспитания, позволяют человеку соблюдать чистоту тела. Под гигиеническими навыками мы понимаем следующие элементы: умывание и чистка зубов (каждый день умываться и чистить зубы дважды в день: утром и вечером); мытьё рук (регулярно мыть руки с мылом после посещения туалета, после прогулки, перед едой и после игр с животными, также вычищать грязь из-под ногтей); купание (ежедневное мытьё тела с помощью соответствующих продуктов). Прежде чем приучать ребёнка самостоятельно купаться, необходимо объяснить ему правила поведения в ванне, чтобы этот процесс был безопасным. В исследовании оценивалась сформированность таких навыков как гигиена зубов, рук, лица.

Выявлено, что 71,90% детей респондентов имеют представление о правилах гигиены полости рта, однако, осуществляют чистку зубов по поручению родителя (рисунок 5). Соблюдают регулярность гигиены рук и лица 50,41% детей.

Выводы. В результате проведенного исследования выявлены следующие тенденции формирования самоохранительного поведения детей-дошкольников.

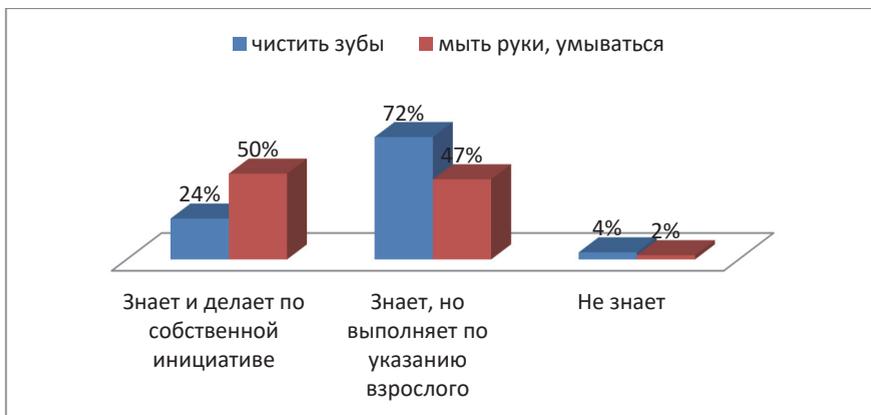

Рисунок 5. Гигиенические навыки ребёнка

1. Несмотря на цифровизацию современного мира, наблюдается недостаточная компетентность родителей в отношении здоровья детей. Отсутствие знаний обуславливает низкую медицинскую активность и низкий уровень комплаентности врача и родителя.

2. Родители обладают достаточными знаниями в отношении рационального питания ребенка, но не обладают навыком организации контроля рациона и исключения вредных продуктов.

3. Важность занятий физической культурой признается большинством родителей. Дети преимущественно за-

нимаются спортом. Данный факт имеет двойственное позитивное значение. Во-первых, спортивная нагрузка благоприятно отражается на развитии ребенка, во-вторых, дети-спортсмены проходят дополнительную диспансеризацию, что является профилактической мерой.

4. Гигиенические процедуры реализуются детьми преимущественно под контролем родителей.

6. Старшие дошкольники не владеют необходимыми знаниями о личных данных (адрес проживания, номера телефонов экстренных служб, родителей).

Список Литературы / References

1. Корчагина П.С., Калачикова О.Н. Самосохранительное поведение как фактор формирования здоровья населения. *Вопросы территориального развития*. 2013;(2):2.

Korchagina P.S., Kalachikova O.N. Self-preservation behavior as a factor in the formation of public health. *Issues of territorial development*. 2013;(2):2. (In Russ.)

2. Токарева Ю.М. Формирование самосохранительного поведения детей дошкольного возраста (по результатам опроса специалистов ДОУ г. Волгограда). *Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы IV Международной научно-практической конференции*. 2017. С. 277-280.

Tokareva Yu.M. Formation of self-preserving behavior of preschool children (according to the results of a survey of specialists of the Volgograd Preschool Educational Institution). *Actual problems of human potential development in modern society. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. 2017. p. 277-280. (In Russ.)

3. Токарева Ю.М. Некоторые особенности поведения современных родителей в отношении сохранения здоровья детей дошкольного возраста. *Наука, технологии и образование в XXI веке: проблемы взаимодействия и интеграции: сборник научных трудов по материалам*

Международной научно-практической конференции 28 февраля 2020г.: Белгород: 2020. С. 76-79.

Tokareva Yu.M. Some features of the behavior of modern parents in relation to the preservation of the health of preschool children. *Science, technology and education in the XXI century: problems of interaction and integration: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference on February 28, 2020: Belgorod: 2020. pp. 76-79. (In Russ.)*

4. Гаврилова И.С. Медико-социальные потребности пациентов как основа социальных практик. *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова)*. [Электронный ресурс]. *Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.)*. Сборник материалов / Отв. ред. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 636-642. (Текст сборника на сайте конференции URL: <http://yadov-conf.isras.ru/> (дата обращения 28.11.2019)

Gavrilova I.S. Medical and social needs of patients as the basis of social practices. *The future of sociological knowledge and challenges of social transformations (to the 90th anniversary of the birth of V. A. Yadov)*. [electronic resource]. *International Scientific Conference (Moscow, November 28-30, 2019)*. Collection of materials / Ed. by

М. К. Gorshkov; FNISTC RAS. – Moscow: FNISTC RAS, 2019. S. 636-642. (The text of the collection on the conference website URL: <http://yadov-conf.isras.ru/> (accessed 28.11.2019) (In Russ.)

5. Чижова В.М., Садыков И.В., Гаврилова И.С., А.А. Богатырев А.А. / В.М. Чижова, И.В. Садыков, И.С. Гаврилова, А.А. Богатырев Роль санологической мотивации родителей в профилактике детских респираторных заболеваний. *Вестник Волгоградского государствен-*

ного медицинского университета. 2012; (1(41)):107-112.

Chizhova V.M., Sadykov I.V., Gavrilova I.S., A.A. Bogatyrev A.A. / V.M. Chizhova, I.V. Sadykov, I.S. Gavrilova, A.A. Bogatyrev The role of sanological motivation of parents in the prevention of children's respiratory diseases. *Bulletin of the Volgograd State Medical University.* 2012; (1(41)):107-112. (In Russ.)

Информация об авторах

Токарева Юлия Михайловна, доцент, Волгоградский государственный медицинский университет, кафедра медико-социальных технологий. ORCID: 0000-0001-9342-3771

E-mail: kazachkova.djulia@yandex.ru

Гаврилова Ирина Сергеевна, доцент, Волгоградский государственный медицинский университет, кафедра медико-социальных технологий. ORCID: 0000-0002-4175-5499

E-mail: gavrilova.irene@yandex.ru

Information about authors

Tokareva Yulia Mikhailovna, Associate Professor, Volgograd State Medical University, Department of Medical and Social Technologies. ORCID: 0000-0001-9342-3771

E-mail: kazachkova.djulia@yandex.ru

Gavrilova Irina Sergeevna, Associate Professor, Volgograd State Medical University, Department of Medical and Social Technologies. ORCID: 0000-0002-4175-5499

E-mail: gavrilova.irene@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.09.2023; поступила после доработки 7.10.2023; принята к публикации 17.10.2023

Received 30.09.2023; Revised 7.10.2023; Accepted 17.10.2023

5.4.4. – Социальная структура, социальные институты
и процессы (социологические науки)

Научная статья

Research article

УДК 316.42

<https://doi.org/10.26907/2079-5912..2023.5.62–66>.

**Явка российских избирателей
на выборах в 1997–1998 гг.:
(на материалах эмпирических исследований)**

Шевцов А.В.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, наб. реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена одной из ключевых проблем электоральной социологии: уровню и характеру участия избирателей в выборах разного уровня в России в 1997–1998 гг. Большое число участников свидетельствует о вовлеченности граждан в деятельность социально-политической системы, их вере в возможность влияния итогов голосования на реальную политику.

В работе рассматриваются опубликованные в данный период результаты социологических исследований, в которых затрагиваются вопросы явки избирателей. Также приводятся оценки уровня участия граждан в электоральном процессе, сформулированные социологами и специалистами смежных научных дисциплин.

В статье делаются следующие выводы. Социологи фиксируют развитие тенденции, характерной для первой половины 1990-х гг. Явка избирателей на выборы постоянно снижается. Наиболее ярко это проявляется на низовом уровне (выборы глав городов и муниципальных депутатов), при проведении местных референдумов. Это вынуждает законодателей отказаться от «порога», выборы стали считаться состоявшимися при любом числе граждан, явившихся к избирательным урнам.

С другой стороны, в отдельных областях и городах наблюдается оживление электоральной деятельности, что сказывается на стабилизации и даже росте явки. Данное явление оценивается социологами как рост гражданской активности, связанной с развитием электоральной культуры, как политических сил, так и рядовых граждан.

Ключевые слова: электоральная социология, избирательный процесс, явка на выборы, абсентеизм, порог явки.

Для цитирования: Шевцов А.В. Явка российских избирателей на выборах в 1997–1998 гг.: (на материалах эмпирических исследований). *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;5(62):62–66. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.5.62–66>.

The turnout of Russian voters in the elections in 1997-1998: (based on empirical research)

Shevtsov A.V.

*Federal state budgetary educational institution of higher professional education
"Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen",
191186, 48 Moika Embankment, St. Petersburg, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to one of the key problems of electoral sociology: the level and nature of voter participation in elections of various levels in Russia in 1997-1998. A large number of participants testifies to the involvement of citizens in the activities of the socio-political system, their belief in the possibility of influencing the voting results on real politics.

The paper examines the results of sociological studies published in this period, which address the issues of voter turnout. Estimates of the level of citizens' participation in the electoral process, formulated by sociologists and specialists of related scientific disciplines, are also given.

The article draws the following conclusions. Sociologists record the development of a trend characteristic of the first half of the 1990s. Voter turnout for the elections is constantly decreasing. This is most clearly manifested at the grassroots level (elections of heads of cities and municipal deputies), during local referendums. This forces legislators to abandon the "threshold", the elections were considered to have taken place with any number of citizens who showed up at the ballot boxes.

On the other hand, there is a revival of electoral activity in some regions and cities, which affects the stabilization and even the growth of turnout. This phenomenon is assessed by sociologists as an increase in civic activity associated with the development of electoral culture, both political forces and ordinary citizens.

Keywords: electoral sociology, electoral process, turnout, absenteeism, turnout threshold.

For citation: Shevtsov A.V. The turnout of Russian voters in the elections in 1997-1998: (based on empirical research. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(5(62)):62–66 (In Russ.)

Статья посвящена одной из ключевых проблем электоральной социологии: уровню и характеру участия избирателей в выборах разного уровня в России в 1997-1998 гг. Она является своеобразным продолжением серии публикаций, последняя из которых освещает предыдущий период (1989-1996 гг.) [1, 81-92.].

В чем состоит актуальность выбранной темы? Легитимация политического режима в рамках неолиберальной версии представительной демократии

базируется на процедуре голосования. Согласно ей легитимации политической подсистемы со стороны материнской социальной системы проявляются в рамках избирательного процесса. В первую очередь речь идет о прозрачности («транспарентности») данной процедуры и «ответственном выборе» электората. Большое число участников свидетельствует о вовлеченности граждан в деятельность социально-политической системы, их вере в возможность влияния итогов голосования на реаль-

ную политику. В рамках данной теории высокая степень участия граждан в избирательном процессе свидетельствует как о легитимности политической подсистемы, так и о включенности населения в полноценную политическую коммуникацию. Соответственно, низкая явка выявляет недоверие населения к действующей власти и/или низкий уровень политической культуры избирателей.

Мы имеем дело с так называемым «промежуточным периодом» (после переизбрания президента Б. Н. Ельцина). Наиболее ярким событием данного этапа является дефолт августа 1998 г.

Перейдем к рассмотрению социологических исследований того времени. Институт экономических и социальных инноваций (ЭКОСОИ) в августе 1997 г. провел опрос в Саха-Якутии (31 из 35 улусов) по квотной выборке. Сама организация определила его как «экспертный», так как в нем приняли участие 800 человек, «которые внимательно следят или неплохо знакомы как с деятельностью Государственного Собрания РС(Я), так и с общественно-политической ситуацией в республике» [2, 141]. По мнению респондентов интерес к республиканским парламентским выборам снизился по двум основным причинам: 1) низкий статус органа; 2) кризисные явления в политике, экономике и социальной сфере.

На прошедших в декабре того же года выборах в Палату представителей средняя явка по г. Якутску составила 40,6%, а в одном из округов не удалось набрать необходимого кворума из 35%. И это не смотря на активность многочисленных кандидатов (11 человек на место). Впрочем, по мнению аспиранта Российской академии госслужбы С.В. Львова, реальная борьба между претендентами развернулась лишь в двух округах, в остальных семи имелись явные фавориты, что и подтвердило голосование [2, 142].

На выборах депутатов Московской гордумы (14 декабря 1997 г.) явка в среднем по Москве составила 31,1%, а в округе № 22 лишь на 0,5% превысила необходимый минимум в 25% [3, 344].

Аналогично обстояло дело с местными референдумами. Так, в Московской области из 20-ти, планируемых с 1995-го по 1998 г., по причине крайне низкой явки не удалось провести два (в Балашихинском районе и г. Долгопрудный) [4, 48-49].

Что уж говорить о «дополнительном» муниципальном уровне. Так, первые выборы в Санкт-Петербурге в 1998 г. были проведены по решению суда, так как региональные власти всячески оттягивали принятие решения о дате выборов. В 79 из 111 округов искомую четверть избирателей к урнам привлечь так и не удалось, что вынудило Законодательное собрание Санкт-Петербурга отменить данный барьер [5, 49].

Разумеется, бывали и исключения из правил. Социологи Российской академии госслужбы к выборам мэра Калининграда 5-7 августа 1998 г. опросили избирателей пяти районов города (N = 1000). Желание большинства респондентов принять участие в выборах сопровождалось традиционной поправкой на понижение в 10-15% («желающие» и «реально голосующие»). Социологи формулировали следующие рекомендации для участников избирательного процесса. 1. Заинтересованность избирателей в выборах является важнейшей предпосылкой для достижения успеха в пропагандистской работе с целью привлечения их голосов в пользу того или другого кандидата. 2. Большинство избирателей воспринимает выборы как способ «вернуть» власть лицом к насущным проблемам, а не как «ритуальную формальность». 3. Отмеченная во всех значимых группах активность требу-

ет от участников воздействия на все электоральное поле. 4. Смутное представление большинства избирателей о кандидатах при высокой активности «служит благоприятной предпосылкой для удовлетворения информационно-го интереса» [6, 68].

Подведем итоги. Социологи фиксируют развитие тенденции, характерной для первой половины 1990-х гг. Явка избирателей на выборы постоянно снижается. Наиболее ярко это проявляется на низовом уровне (выборы глав городов и муниципальных депутатов), при проведении местных

референдумов. Это вынуждает законодателей отказаться от «порога», выборы стали считаться состоявшимися при любом числе граждан, явившихся к избирательным урнам.

С другой стороны, в отдельных областях и городах наблюдается оживление электоральной деятельности, что сказывается на стабилизации и даже росте явки. Данное явление оценивается социологами как рост гражданской активности, связанной с развитием электоральной культуры, как политических сил, так и рядовых граждан.

Список литературы / references

1. Шевцов А. В. «Голосование ногами»: российская электоральная социология о проблеме явки на выборы (1989–1996 гг.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология.* 2023;(16(1)):81-92.

A.V. Shevcov "Voting with feet": Russian Electoral Sociology on the problem of voter turnout (1989-1996). *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology.* 2023;(16(1)):81-92. (In Russ.)

2. Львов С. В. Выборы в Государственное собрание Республики Саха. *Социологические исследования.* 1999;(11):142-149.

L'vov, S. V. Vyборы v Gosudarstvennoe sobranie Respubliki Saha. *Sociologicheskie issledovanija.* 1999;(11):142-149. (In Russ.)

3. Любарев А. Е. Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989-2000. М.: Стольный град, 2001. 412 с.

Ljubarev A. E. Vyборы v Moskve: opyt dvenadcati let. 1989-2000. Moscow, Stol'nyj grad, Biblioteka Rossijskogo ob'edinenija izbiratelej. 2021. 412 p. (In Russ.)

4. Практика проведения демократических выборов в Московской области: Учеб. пособие / Г. И. Бычков, М. В. Головацкая, А. Ю. Калинин и др.; Под общ.

ред. В. И. Смирновой. М.: Современ. тетради, 1999. 141 с.

Bychkov G. I., Golovackaja, M. V., Kalinin A. Ju. and others, Smirnova V. I. (ed). *Praktika provedenija demokraticheskikh vyborov v Moskovskoj oblasti: Uchebnoe posobie* Moscow, Sovremennye tetradi, 1999. 141 p. (In Russ.)

5. Великая Н. М. Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении. *Социологические исследования.* 2003;(8):45-49.

Velikaja N. M. Osnovnye tendencii politicheskogo uchastija v mestnom samoupravlenii. *Sociologicheskie issledovanija.* 2003;(8):45-49. (In Russ.)

6. Бойков В. Э., Варламова С. Н., Ефанова О. А., Фролов Б. И. Опыт социологического анализа электоральных предпочтений на старте выборной кампании. *Социология власти.* 1998; (4/5):57-68.

Bojkov V. Je., Varlamova S. N., Efanova O. A., Frolov B. I. Opyt sociologicheskogo analiza jelektoral'nyh predpochtenij na starte vybornoj kampanii. *Sociologija vlasti.* 1998; (4/5):57-68. (In Russ.)

Информация об авторе

Шевцов Алексей Владимирович, профессор, доктор филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Институт истории и социальных наук, кафедра социологии
E-mail: monografia.schevtsov@yandex.ru

Information about the author

Shevcov Alexey Vladimirovich, Professor, Doctor of Philology, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Institute of History and Social Sciences, Department of Sociology
E-mail: monografia.schevtsov@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.10.2023; принята к публикации 24.10.2023
Received 18.10.2023; Accepted 24.10.2023